

Жил-был Генка



18+

Светозарь Лучникъ

Светозаръ Лучникъ
Жил-был Генка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лучникъ С.

Жил-был Генка / С. Лучникъ — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Да, он был одним из нас, но он не был одним из нас. Тягота Афганской войны наложила на его жизнь трагическую печать, но однажды в его мир ворвалась любовь.... И всё бы хорошо, да вот чёрная и роковая страсть сгубила мужика, ввела его в ад.... Сумеет ли он отыскать истину посреди небытия?..

Светозаръ Лучникъ Жил-был Генка

Кипение жизни

Январское утро морозное и пасмурное на снежном изобилии белого чуда. С небесного раздолья отворился мир ещё для одной чувственной плоти, вошедшей на жизненный путь предложенного греха и святости. Грех – это форма производимых дел рождённого человека. Святость – это незавидное страдание, но, однако, позволяющее развивать слово творческих успехов постоянно на всём отрезке времени, в которое введена сущность человеческого образа.

Родился Генка январским днём, когда нещадно билась о землю холодящая жажда разветвлённого дыхания несущегося ветра, и сразу же получил несомненное право, подающее ему век земного странствия на условиях от Бога, а не от собственных намерений, как многие думают. Дал Бог душу, тело и сказал:

– Живи же с добром и наполняйся светом на пульсе воинственной тьмы. Собирай знания века сего неспешно, но разумно, дабы тебе утвердиться на личном объёме чувственных условий, с которыми предстанет только твоя вечность.

И свет и тьма не объединились, но помогли формироваться Генке на условиях многогранного слова, которое себя проявило на данном моменте только для этого человека. Он и обрёл имя своего возрастного периода. И теперь славное имя поведёт его на исторической зависимости только вперёд, а не назад.

Вот и стал Генка душою живою и бессмертною вопреки какому-то осмысленному желанию, и омылась душа кровью и запечатлела своё достоинство, как дыхание света на доле мрака весьма ярко и небезосновательно, потому что теперь надобно собрать собственность на праве и долге своего творческого имени, которое обрёл для чего-то особенного и важного, а сама особенность и важность будет принята и познана им гораздо позднее.

Хочешь, не хочешь, жаждешь или нет, но приходится жить и утверждаться в идеях мира сего, мира представшего для твоего познания естественных и вполне доступных субъективных моментов на просторе своего ума, но ума, который всегда принадлежит Создавшему тебя так оригинально или убого. Хотя убожество – это есть лишь тягота производимого труда, которым стяжаются определённые условия и моменты, а божество – творческая независимость.

И оттого творение нельзя назвать простым убожеством, оно оформляется относительно слову настроения, которое себя реализует событиями, предоставленными от Неба, где и зародилась стройка великих фактов, познавательная воля которых открывает себя не сегодня и не завтра, а по смерти тела, когда оно истлеет от скорбей и болезней.

Именно на них, на скорбях, болезнях и трудах изнурительных человек реализует своё и только своё право вечного совладения чувств Бога, чрез Которого и стала душа желать и пробуждаться на условиях возрастного недомогания!

Как-то весьма странно и таинственно рождается воля человеческого достоинства, но ведь рождается зачем-то, а, родившись и взрослея, думает, а *почему именно мне*, мне удалось восчувствовать век этой земли, где тревожно и радостно бьётся плоть ума?

Почему внутри меня бьётся и колышется чувственная радость тела, но тела принадлежавшего полностью впечатлению души?! Почему? Кто ответит? Время! Остаётся время сие засвидетельствовать событиями, иначе не прозреть!

Два гигантских объёма засвидетельствовали историю ещё одного человека, пришедшего из небытия в бытие, чтобы получить дыхание вечного Творца! Земля стала для него домом на узаконенных началах, но земля не могла стать истинным восполнением того события, ради которого человек получил образ бессмертия, но на смертном теле.

Мир его встретил отчуждённостью, а сам мальчик по имени Геннадий принял мир криком, могущим подарить ему все блага, на которые он имел полное право своего якобы чувства. Ведь долю равенства человек получает от своего Создателя, а не через мать, утроба которой отверзлась для восприятия всего Божественного и непознанного.

Так проистекла на него воля небесного смысла. Далее полилось произволение роста обусловленных лет, в кои введена смелость и вольность любых ощущений. Именно такие качества будут напитывать мальчика на протяжении дней и ночей, напитывать в каждые мгновения до последнего вздоха и вида.

Бежали восторги, утекали впечатления, наслаивались настроения, истаявали жажды, пробуждались взлёты, уплотнялись падения. Всё даль и дальше строился некий мирок. Генке уже 4 годика. Он полностью оформил своё продвижение возвышенных порогов домашнего уюта. А был ли это уют? Был, но особенной почётностью любви его никогда не баловали. Рос сам по себе. Подчас и голодным засыпал от дневной усталости на закате гаснувшего вечера.

И не потому, что в семье царила необъективность недостатка или нужды, а просто никому дела не было до того, что требовал мальчик, чего действительно ему нужно от родителей или от самой жизни, подающей разнообразие всякому желанию или утеснению. Но эти произвольные, хотя весьма настойчивые жажды производят образы вполне мудрых идей, на них воспитывается форма духовного намерения и существенного смысла, подчас непознанного и нереализованного даже целую жизнью. Да, не всякий осилит и выдюжит сюжет жизнелюбия, в коем предстоит.

Генка рос. Росла и его чувственная воля и нравы. Они вели навстречу главному впечатлению, которое раскроется не теперь, а потом, когда наступит неизбежный конец. Утром убежал на улицу. Мать занималась делами, отец работал. Бабка не проявляла заинтересованности по воспитанию внука. Всё текло само по себе, неспешно, но правильно, не случайно, а закономерно, по точно предписанным законам и порядкам.

В первый миг могло показаться, что жизнь пуста и бессмысленна, но она именно на таких началах даёт своё утверждение в ней! И форма традиций ведёт человека всегда к Богу, как бы он себя не отодвигал Его на беспечно произволении мнимой свободы. Хотя Бог в том плане, в каком представляется Он человеку на восприимчивости, не отражает правильности восприятия.

Попробуй, ухвати-ка этакую пустоту! Она не имеет – ни вида, ни образа, ни вкуса, ни реальности, ни зависимости, ни прочей номинации, но именно из неё выводится объективная сила всему виду, образу, вкусу, реальности и прочего.

Бога нельзя возвести в меру некоего определённого критерия, ибо Он необъятен во всех направлениях и возможностях, и увидеть Его на возможности того существа, коим мы стягиваем меру вдохновенного ожидания по Нём, практически невозможно, ибо Вездесущий Бог – Это и есть Всё и Ничего!

А у нас тут живёт маленький парнишка... Живёт и ищет свой смысл посреди океана тайн... Ребёнок предоставлен самому себе, но над его головой всегда присутствовал Благодетель, чья воля усиленно ниспадала на чело Генки. Ведь Он и строил ориентиры жизни по Своему усмотрению, а не по воле человека. Отсюда и проистекали нервные срывы, а порою и вообще возникали страшные решения.

Бога носить в себе очень непросто. Когда понимаешь, Кто внутри тебя воюет, тогда шагаешь уверенно, а когда знания ещё на распутье, тогда требования не соответствуют стремлению. Поэтому и бедствия, и болезни проистекают на жизненном чувстве всегда тревожно и порою ненавистно и отвратительно.

Сил не доставало справляться с теми трудностями, которые возникали у Генки. Мал он ещё для сих возрастающих основ, чтобы осознать правильность накапливаемых трудов и неудач. Жил и жил, как все. Прибегал домой. Закрыто. Никого. Постучит и крикнет:

– Ма...

Нет её.

– Па...

Нет его.

– Ба...

И та к соседке ушла.

Вот ведь незадача. Кто разрешит оную?

А есть-то охота, ой, как охота. Телу нужно питание, необходима забота земного уровня, вот и стремится напитать его, а тут тётка Нина мимо идёт и спрашивает. – Ген, не пускают? – И смеётся. Её полное тело немного покачивается от движений, но она добрая, приласкает чужого ребёнка. Некрасива, да это вовсе не портит душу женщины. Своих детей Бог не дал. Но мальчик любил тётку. В доме у неё всегда чисто и комфортно. Есть игрушки даже. Под окном стоит большой телевизор! И можно посмотреть мультики.

– Не-а...

– Ну, пойдём ко мне. Я тебя накормлю...

– Ага...

И пока она крутится на кухне, сейчас зажарит яичницу, он уж сломлен голодом и сном. Залез под кровать и уснул... А во сне продолжает играть в войну. Стреляет, бежит... Образ войнушек не простым преодолением тревожит мальчика. И не просто так он всегда играет на её устоях.

– Ген, мать пришла за тобой...

Отсчитывали земные часы день за днём, минуту за минутой, секунду за секундой. Спешили сутки друг за другом, а спешить-то вроде некуда. Что там впереди-то? Вечность или только смерть?! Мысли лавировали не зря, но они не проявляли какого-то ясного и понятного смысла, заложенного внутри стремления. Когда настанет оный, тогда и облобызается тайною, а пока течёт история и ни о чём не надо надумывать зря. Жизнь сама покажет свои права на творческом проекте приходящих слов.

Вот и первое сентября.

Первый раз, как говорится, в первый класс. Но у него всё есть! И школьная форма, и ранец, и книги, и тетради, и ручка! Всё, как положено первокласснику! Он у школьного забора с любопытством глядит на учителей, произносящих напыщенные речи, суть которых парнишке совершенно безразлична. Но свобода ныне сомнёт свою беспечность. Учиться, учиться и учиться – это девиз знаний.

Ребят много... Торжество присутствует повсюду. Осеннее утро ласкается на покрове синей глади неба. Ни одного облачка! Душа горит радостно и охота бежать в лес за грибами или купаться на озеро. И вот Генка переступает порог школы! Интересно малоопытному уму, всё вновь! Но на уроке письма неумело пишет крючки. Старается, пыхтит. Надо.

Ученье – свет, а не ученье – тьма. О! и тут тоже образность условий по греху и святости! Во всех направлениях можно увидеть мудрые основы и не очень мудрые, но непременно они предоставлены за тем, чтобы человек познавал их предлежащие пробуждения не ради забавы или страдания. Тут и заложена их неперемнная сущность от Божественных свойств, определяющих возможности века земного и Века небесного. Познавай. Ищи. И откроется воля Бога простым прибитком, но могущественным!

Проект учёбы раскрывается забавно, чудно, а и тут Генка предоставлен самому себе. Никто не насилует стремительные усердия! Уроки на его совести! Перемена. Ура! Домой! Бросил ранец на диван, схватил пышку и бегом к Серёге. Вместе идут на озеро купаться. Ещё тепло, хотя и осень. Лето не торопится уходить, оно пока дышит и разливает себя везде. С неба стекает тихий свет не меркнувшего солнца, а под ногами сверкает сиреневая вода. Манит её простор в объятия, и оба прыгают в неё со смехом, разбрызгивая вокруг ребячье озорство.

Святое озеро. Его вода смывает не только грязь с тела, она омывает душу. По преданию тут когда-то стояла деревня и церковь, а потом... Потом наказание и вода потопила мир небольшой деревушки... В определённые же дни, может в полнолуния, вода становится слишком прозрачной и слышится далёкий колокольный звон... Кто видел, тому страшно, а кто не видел, тому смешно, но тайна всегда притягивает человека, но не всегда себя проявляет правильно.

Уплывают мгновения, скачут года. И не видать пока печали, и смысл не терзает своим наветом на глубине страданий, слёз и печали. Живёшь и ладно. А что будет потом – неважно. Детство даёт преимущества – не размышлять о скорбях и неприятностях, объявляющихся на дороге идущего вперёд. Мудрость ниспускается позднее, житейская мудрость, когда уже зришь неполадки, страсти, боли, старость, тогда вдруг невольно задумываешься о смысле бытия, о личном досуге. И уже сыплется страх Оттуда...

Все эти неумеренности стекают в душу постепенно, неторопливо и ранят не сразу. Тихо и точно калечат суммирующимися грехами, а святость эти свойства позволяет засвидетельствовать внутри размышлением, а порою и недомыслием. То есть, человек или живёт отвратительно или принимает решения отвратительные. Кому, что отписано, тот то и обязательно проживёт, но чужое не возьмёт на себя, не сумеет взять, так как каждому личное и подано так же Оттуда.

А отчего так быстро бежит время, Генкино время? Оттого что оно уже не имеет ценности для него... Идея совершенно в другой субъективности. В какой же именно? О, этот ответ ищи не на этой странице! Вот уже и любовь посетила.

Вон та девчонка с коротенькими косичками ему нравится! Он смотрит на неё с удивлением и жадностью. Ведь и раньше видел, но сегодня почему-то она ближе, чем вчера... Что случилось? Сидели за партой, смеялись, стремились к чему-то и вдруг... Что, что вдруг произошло? Когда себя осияла госпожа, а не рабыня – любовь?!

Когда-то, когда-то... Явилась, и защемило приятностью сердце. Нет, пока ещё не настоящему, но приятно ведь. И сама эта приятность какая-то влажная, влекущая и желанная! Приятно кому? Телу, конечно! И что же тут такого невероятного?

Видимо, что-то имеется, коли тянется плоть за плотью, выискивая полезное и желанное, пусть само полезное и желанное непонятное, но ведь оно есть, оно нагнетает, угнетает и выводит за рамки, кои не постигнуть. А душа-то порхает где-то не здесь, а где же? Там...

Эти чёрные искры истомлённых глаз глядят весьма смело и очень откровенно. Он знает, чего им надо. И он даст, даст, даст им желанное! Напитает нрав этой симпатичной и доступной девчонки! Полюбит на всю катушку! Впервые, но страстью, на порывах крови! А от воинственной кровушки, как известно не рождается должный покой или мудрая последовательность.

Ну и пусть! тело тоже надо накормить по особенному настроению и воодушевлению, оно таким составом сложено ведь для какой-то узаконенной надобности! Душе, как говорится принимать душевное, духу – духовное, а телу – телесное!

Не человек поставил себя на путь преодолений, а Бог. Он и решает грамматику слов и идей, а человек лишь впитывает всё, как губка! Это необходимо, хотя и приносит неудобства порой и ломку в организм, но это ведёт всегда на вершину благ! А сами блага не на земле, нет, они на небесах! От земли – земное, а от неба – небесное! Всему черёд и порядок!

Первые поцелуи, первые познания. Всё это по отдельности и всё вместе даёт Генке не одухотворённость в добытом чувстве, а избыток некой зависимости – плоть от плоти. Но и такие, такие итоги тоже, тоже нужно преодолеть своими жаждями и личными беспокойствами.

Жизнь, её всегдашняя и неизменная условность, измеряется приобретаемой вульгарностью, постоянными выпивками с друзьями, с девчонками и даже с родителями во время не праздничных, но каждодневных обедов.

Друзья говорят:

– Это круто!

И вино разбивает затвор любой скромности, подаёт изобилие всякой вольности, а порою и какой-то дешёвой, позаимствованной от тьмы, наглости, а так же чопорной, неестественной, принуждённой вольности. Поступки уже нечеловеческие...

Девчонки говорят:

– Это весело!

И сами страдают от такого отупевшего разврата, на который толкает выпивка. А потом это непростительное веселье смывает ореол целомудрия, и они пытаются найти виновника, пытаются повесить на кого-то вину, а найти не могут...

Родители говорят:

– Для аппетита!

Ох, не надо! Не надо...

Ведь такое насилие над волей скапливаемого чувства делает человека зависимым, рабом одуревшей страсти, хотя все призывы служили мнимому добру. И если слушать всех, то вполне можно стать любителем питья и, став им, погибнуть! А на войне ничего не говорят, там пьют для смелости, чтобы кровь вскипела, и отступил страх! И тогда уже можно умереть, заалев торжеством зла...

Само исследование времени земли течёт как-то размеренно, но бесцельно, потому что нет у молодости чувств особенных раздумий, есть только чувства телесного мира! А от тела познаются лишь дикие страсти-напасти! Да и такие исследования тоже необходимо вычислить в уме своего возникающего желания. Ведь предложены зачем-то для чего-то! Предложены... Ну, так и проживай их, душа бессмертная! Участь не определяется одними замыслами по тлению.

Учёба, товарищи, встречи, выпивки, поцелуйчики и, конечно же, грехи, грехи любви... И чем дальше, тем глубже трясина невнятного долга перед этим миром, перед самим собой затягивает и прочно. А куда тянет – тоже не очень-то понятно уму заплутавшему, а понятия стягиваются именно такими урывками, не другими.

Свалились часы в никуда... Позади 20 лет. Мало это или много? Смотря с чем сравнивать. Но сравнивать на данном этапе не стоит. Пусть эти благоухающие 20 лет – залог молодости и он останется на праве счастья, которое есть, и которого нет...

Повестка в армию...

И сразу же судьбина доля омывается слезой чужой крови, хотя сущность кровавого бурления принадлежит уже непосредственно собственному дыханию. Проводы. Опять пьянка. Разлука с домом, с родными, с друзьями. Подруги нет. Ждать не кому... Любить тоже некого, а любви так жаждет душа, но видно не время любить, не время сеять семена плодотворных чувств...

Война покоя не даст, а любовь? Любовь может принести новое страдание, но это уже другая история. Пусть, если останется живым, вернётся, вот тогда и любовь посетит! И полюбится на все сто, а то и больше! Или не полюбится. Решит миг...

Прощай, прощай волюшка! Что там будет, кто знает?! Генка не знает, но чутьё не обманывает. Он всегда говорил, что его мир сломлен болью тревожного зла! Война была на вздохе постоянно и сидела в сердце, как заноза. И тут предчувствие не подвело. А лучше бы подвело!

Афганистан...

Ох, долюшка нелёгкая... Болезнь рождается и рождается не сразу, а на минутах ли, часах, когда 20 лет – это уже очень, очень много... Военная песня огня трагична, последний её куплет – смерть. Стал солдатом – умри! Иного не дано! Слово, холодящее мозг!

А на войне всегда так! Страшно и не спрятаться за спины товарищей. Это о героях! О других тут нет речи, хотя простить можно любого... Простить и понять... Живём раз. Имеем раз. Дышим в малость лет. Всё, абсолютно всё имеет мизерный объём по бытию земному.

А кто, кто определил меру достойного числа? Почему, почему надо целовать страх на пороге величественной весны, когда дивно воскресает рассвет не меркнувшей любви, когда бескрайняя гладь неба рождает благо покоя, когда светится мир чувственно-звёздных огней?!

Весна дома... Там цветёт сирень, и заглядывает в окно черёмуха. Яблони все в белом, как невесты! Такая красота воспоминанием жжёт веру. Эй, подожди, не уходи. Постой же, постой чуть-чуть, дай насладиться блаженством рая, рая посреди земного двора...

Нет рая на земле. Нет! Или земля есть рай, тот самый и верный? А? Конечно же, земля – это не рай, но и не ад. Или ад всё-таки? Кому как. Кому рай, а кому ад. Смотря на чём воспринимать земное совладение этого неумеренного жития.

Не ждёт, ой, не ждёт, гонит мысли прочь ветер ран и крови, ветер сомнений и тревог, ветер страданий и не стихающего беспокойства. Гонит... Гонит... А куда гонит? Наверно туда, где мрак разливают болезнь веков... Или на восток, например.

А тут чужбина, злая и непримиримая...

Генка именно здесь себя по настоящему обесцветил, утерев суть веры, которая безжалостно отравила все прежние радости и надежды, которые были и не покидали его, но которые вдруг потряслись и рассыпались посреди чужой земли, которая орёт с оскалом смерти...

Врут лицедеи, врут о блаженстве! Нет тут ничего, и не может быть! Смывается вся чувственная мудрость жизни, и вера не рождает успехов от проповедей и молитв тех, кому хочется видеть свет в этом аду! Нет света в аду! Нет! Ад и смерть – это истинность веры! А всё остальное – сущий бред и сумятица! Но хочется и в этом бреде пожить по-человечески. А с кем?

Генка потерял не только веру, друзей, но и свою свободу, которая смылась запахом тления. Нет, он никогда не был трусом, всегда впереди всех, как и полагается командиру. Армейская воля сравняла итоги страданий, подарила рабство и изменила лицо, осквернив завет святости. Попробуй забыть глаза Сашкиной матери, когда привозишь ей гроб с телом погибшего сына, тела дроблённого на куски...

Нет, Генка никогда не забудет... Такое не забывается... Любая минута встряхнёт память горьким привкусом злого стремления... И если забыл, то совесть обличила бы... Пожелаешь забыть, да не сможешь ни за что... Война и во сне никак не заканчивала месить боль... Вот ликовала смерть страстью чёрной крови! ликовала и господствовала! Она и теперь господствует с ликованием, минуя полёты великого вдохновения.

Эй, где Ты, Победитель, Бог богов, Великий и Праведный?! Где, где Твоя причуда завершается по страданию? И завершается ли? Насытилась ли Твоя мера, обрекая человека на такое неравенство?! Или Ты ещё, ещё и ещё жаждешь испить крови?

На таких условиях Твоего Равнодушия и Молчания человек обречён жить по вере в добро. Оттого он и не чувствует Тебя и Твоей святости, но хорошо видит иное и в этом ином продолжает искать Тебя, искать во зле, не насытившись добром и не познав его истоки правд и истин.

Нелегко, ой, как нелегко отыскать мудрость злых жажд, которые главенствуют везде, повсюду и во всём. Попробуй-ка, возьми это разрастающееся лидерство мрака! О! такое устремление и наградит от мрака. Награда от мрака...

Странно?

Нет.

Так за что же Ты, Благодетель Добрых Навыков, уничтожаешь Себя Самого на предложенной вере, изрывая достоинство слов?! Сам и подталкиваешь человека к порогу ада, хозяином которого стал сатана, на ком и основана вера безбожия.

Но и сатана служит Твоему делу! и работает непрестанно на Твоё Слово. И такое свидетельство лишь ещё сильнее Тебя обличает и даёт право устремляться в Никуда на отчаянии и страхе... А это и есть вера изломанного сознания, но сознания, принадлежавшего Тебе одному.

Война закалила дух Генки, но она и лишила всего лучшего...

Мысли постепенно облекались думами и алкоголем...

Позади Афган.

Снова дома...

Колышется сирень на привете доброго и ласкового мая. Теплота дня смывает гарь с души как-то невнятно. Но войны нет – это точно! Она осталась только внутри изломанного сознания и на ритме сердца, осталась на веки, никуда не подевалась...

С Серёгой весело мчатся на мотоцикле по пыльной дороге, обгоняя шальной ветерок. Не стреляют, не пахнет дымом. Не пролетит шальная пуля из-за угла, как тать. Хорошо. Можно вздохнуть... И забыться не навсегда, лишь на чуть-чуть, на краткий миг...

– Ох, что ж я маленьким не сдох...

Познакомился со Светкой и полюбил.

Вот она и явилась любовь-то нежданная... Явилась, захватила и увлекала... Опять в плену, но плен желанен и сладостен... Да токмо тяжесть с души не утекла, она застыла в кровяных пульсах, застыла болезненно и непрестанно отравляла весь настрой чувств. Свидания у реки под взором луны и звёзд продлевали впечатления на волнении, исходившим непритворно из глубины души, опалённой афганской войной.

Тихо плескалась волна молчаливой стихии о борта лодки. Рука об руку сидят влюблённые, и мечты их убегают вдаль... В глубине уснувшей реки плавает небесная светлость, плавает и не тонет. А может уже утонула? Какая скрывается мудрость там посреди водных свидетельств?

– Светк, что есть жизнь? – Генка на раздумьях...

– Жизнь – это движение...

Они говорят о многом, но главного ещё не ведают, не прозревают. Мечты их всегда при свидетелях ночи. Луна и звёзды шлют волю своих настроений, зовут куда-то в даль веков. И эта незримая даль веков зазывает к себе многими тайнами, а тайнам нет числа, как вон тем моргающим светилам, которые и сияют сегодня как-то по-особенному – горячо и чувственно!

– Улететь бы на другую планету. Земля не держит. – Светка в правде ищет свою личную волю не на земле. Она и найдёт её потом, но именно земля подарит откровение, которое ниспущится Оттуда, как заветный рай, но прежде надобно и до ада доползти знаниями, и, доползая, выбраться за берег подлинной Любви и обосноваться в ней законно и прочно.

– Полетим вместе? – Генка возбуждён.

Поврозь. У каждого своя личная история. История своя, а жизнь-то одна и она уравнивает любые возможности. А, действительно, что там есть? Инопланетные цивилизации, люди или... Хорошо бы увидеть... Увидишь, узришь, человек, только не теперь, когда твоя правда спрятана во лжи, а потом, когда правда предстанет на реальном чувстве добра. А сегодня поиск себя во всём...

– Вот поженимся, и первым у нас родится сын. – Говорит Генка. И мужественная осанка делает его немного иным. Только само блаженство не рождается верою вдохновенного кипения. Хотя кипит, бушует, безумствует над головой воля злого рока и, выкипая, творит болезнь страстей.

– Нет, первой родится дочь. – Светка уверена, как всегда. И эта уверенность внутри вещает набат печальной песни, но печаль сегодня не видна. Эта печаль роняет незримые капли и незримых страданий, которые обмажут сердце завтра.

Они спорят, но не дерутся.

Первой, действительно, родится дочь. Светка всегда хотела родить себя. Она и родила себя. Почти клон, но не клон. Похожесть во всём, хотя и разность должна соприсутствовать! По горячему желанию даётся всё! Слово проявилось убедительно и ярко! Всегда бы так! Но, к сожалению, увы, не всегда, а редко, очень редко слово свидетельствует правильно. Подчас оно произносится иначе, а отсюда и всё не так, как хотелось бы.

Почему?

Тихая боль проливается рядом.

Зачем?

Ей видней.

Вода не туманит образы. Разговор длится на затворе мечтаний. Ветер ласкается тихим приветом. Тепло. Август. Звёздный разлив в вышине отражает своё дыхание верно, а познаний нет. Но и здесь пробегает воровски тень ада...

Счастье приходит незаметно, и незаметно расставляет ловушки ненастья. Зачем являешься ты, грусть веков, и зачем тревожишь мир земли своим безобразием?! Ответы ищи не на уровне лирического движения. Ответы тебе предлагает сама жизнь.

Лирика лета и осени закончилась. Время земных часов побежало на восток. Жизнь строилась узаконенными степенями, строилась незаметно, но решительно. Наступила зима. Зима приносит с собой белый холод и новогоднюю радость. Почему радость, а не грусть? Наверно потому, что Там зимы никогда уже не будет! Весна – это прекрасно, это любовь и новизна всякому чувству, это воскресение. Но зима тоже, тоже даёт своё особенное благо и смысл на душу человеческую.

Декабрь – месяц новогодних усилий по ожиданию чудес, которые рождаются весьма редко. Истинные чудеса спрятаны в вечном дворе нового Века. И Век сей ещё ожидает своих гостей. Мы тоже гости будущего великолепия. Только как-то на нынешнем достатке и при свойствах утеснённых не хочется, ой, как не хочется привыкать к этому неизведанному великолепию.

Привыкать не хочется... А никто и спрашивает меру и объём твоих накопленных желаний... Бери и живи... Вот и хапаем, как можем, сколько можем, а жить-то не получается... Или получается? Тогда добро уже есть добро, коли получается.

Невзирая на достоинство декабря, в один из таких дней – 25 декабря и была организована Генкина свадьба. Рождественский пост и Католическое Рождество! Великое Время! Это время уготовано Книгою Судьбы, а сами знания по процессу сему разольются гораздо позднее.

Распутица зимняя и слякоть грязного снега – процесс неприятный и злополучный, но ведь любовь не испрашивает себе конкретных прав для человека, в данном случае для Генки со Светкой! Утро седое, как в том романсе, что пел Высоцкий: «...*утро седое, утро туманное...*»

Но тогда это пелось иначе, а тут новая проблема нахлынувшего дня отвечала историю ещё одной любви или грусти, но отвечала, несомненно. Ветер неласков, холодный, однако. Настроение – во! Свадебное, как и полагается.

Генка с другом заехал за Светкой! В деревне ожидают их гости. Естественно, ведь свадьба у жениха разовьёт волю светлого настроения! Не у невесты же пир на весь мир. Светка красивая! В белом платье! Сломаешь глаза!

Всё во благо!

Такси мчится на всех парах по неуютной дороге. Мелькают ели и сосны, роняя своё дыхание на путников, а дыхание у них – необыкновенное и свежее, как и полагается, на зимнем восторге! И сама небесная гладь немного волнуется, точно она сейчас подарит рассвет нового смысла! Может и подарит, но подарки ныне не нужны! Ведь любовь стирает все ожидания и тревоги!

Лопнуло колесо... Хорошо, что не авария...

Небо глядит с сумрачной тоской, и тоска какая-то подозрительная... А чего, собственного говоря, ему надо от Светки с Генкой? Того же, что и ото всех! Жених взволнован предстоящими событиями. Невеста успокаивает, хотя и сама немного взвинчена и встревожена, но не пьяна и не вульгарна. Разве счастье рождается иначе? Наверно рождается. Оно и на болезнях ниспускается.

– Ты на бигуди накрутился что ль? – Смеётся Светка озорно. И это озорство как-то непри-
нуждённо обволакивает волю мужского достоинства. И само достоинство уже двигается не
обречённым бурлением, пусть при том оно сегодня себя и потревожит некоторыми недомога-
ниями.

Да, у Генки волосы прядями спадают на низкий лоб. Глаза огромные и влюблённые, свер-
кают, как небесная воля летнего приволья! Он смеётся, счастье наполняет его изнутри весьма
откровенно, но не признался, сказав лишь:

– Нет... У меня свои кудри...

– А почему раньше не было?

Он молчит и улыбается, нечего добавить к ситуации. И улыбка не смывает восторженного
вздоха, но война не тревожит сумятицу сюжета, она спряталась ныне, чтобы потом загромохать
заново! А пока любовь. Она стирает зло.

– Кудри выются, кудри выются... Почему они не выются у порядочных людей? – Пропела
Лариска, подруга Светкина. Она сегодня в ударе, её чувственная основа колеблется от мни-
мого одиночества. Влюблена однобоко и безответно. Она ищет своих особенных знамений, а
знамения отведают одно предательство, а страсть жжёт под сердцем, нагнетает тоску и непри-
личность. Ох, как нехорошо ей. Жить неприятно, но можно. Любовь имеет различные пути.

– Лариск, ты чё злая такая? – Генка спрашивает.

А Лариска ему не отзывается. У неё душа во тьме сейчас.

Шутят. Летят к своему порогу. А долетят ли? Долететь-то долетят, а что потом? Потом
судьбина доля. И каков оный размер угадать нельзя никому и никогда! Опоздали на четыре
часа. В ЗАГС из-за грязи не смогли – ни проехать, ни пройти. Такси даже к дому не подрулила.
Грязь и белая фата на ветру, белое платье...

Дурное определение.

Но это не приметя. Все приметы к чёрту в такой радостный день! К чёрту, так к чёрту! Он
и похозяйничает тут, он может настроить на плохое, усилия не тщетны. Фату всё-таки разо-
рвёт! Впечатление осквернит незаметно. А остальное – так, мелочь! Гости и родители не на
шутку поволновались. Молодых нет, а все уже на местах. А сестра Светкина так и заявила во
всеуслышание, будто её тоже чёрт подхлестнул:

– Она может и отказаться от свадьбы и не приехать!

Уф! Свекровь даже опешила! и вспотела! Но ждут... Чёрт пробежал тихонько, старался
подлить масла в огонь, чтобы кровь хорошенько зажарилась. Получилось неплохо! Но до конца
не осилил испортить волю земных часов. Пока не осилил. Не унывает и не скорбит. Он же не
человек! Его дух мотается по просторам и выискивает слабеньких и немудрых людишек. И
находит их повсюду! А, найдя, губит.

А вот и Генка со Светкой! Слава Богу!

Хлеб и соль...

Шум торжества...

И за столы... Там всё есть! Изобилие! И водочка, конечно, не минует своего звёздного
часа, но напиваться никому не позволят... Выпил и отваливай дальше! Нечего тебе больше
тúточки делать! Пусть другие выхлёбывают меру свою.

– Смотри! смотри! – Шепчет кто-то.

– У невесты нет кольца обручального на пальце!

Ну и что?! не одели! В Загсе-то не были, не попали из-за грязи, такси не смогла туда
проехать, а расписались ещё раньше, за месяц до свадьбы мужем и женой стали, никто и не
знал ведь об этом обстоятельстве! Но самóй церемонии нет! Грязь изменила возможности.
Кóльца в кармане Генкиного пиджака.

– Доставай...

– Держи...

Вот и засверкали золотые кольца на пальцах! А гости пьют, едят, хлама не творят, хотя чёрт посреди них шастает, как тать. Кого бы притормозить и выпачкать своим чудаковатым настроением?! Правда подружка невесты напилась пьяной, нечто вытворяла, но эта история не о ней, поэтому и ни к чему травить попусту мысли данного настроения.

Генка и Светка трезвые, не пьют. А зачем разливать меру греха?! Он и так себя проявляет во всех направлениях ярко. Зачем отравлять порог радости через волю чёрта, которому покоя нет, терпения нет?! Кричат горько, но они не целуются! Бросают конфеты, деньги любителям полупиться на новобрачных!

Светка сказала Генке ещё до свадьбы:

– При всех не будем целоваться...

– Согласен...

Вот именно! А зачем при всех? Соблазн отвратителен в своих номинациях! Любить надо без любопытствующих глаз! В этом залог любви и счастья! Ни к чему сеять устои безликие и весьма бесполезные. Всё, что должно быть, то и будет и будет без лишних усердий чужих лиц.

А гости знай, орут и орут:

– Горько! Горько!

– Горько! Горько!

Вот и докричались! Не горько надо голосить, а сладко! От любого слова строится форма жизни! И тут тоже построилась на формате существенного огорчения. Каждый момент фиксирует своё неизменное право по Слову Великому!

Пьянки на свадьбе не допустил Генкин отец! Драки тоже не было! Всё нормально и торжественно прошло! И убежало куда-то! Растаяло и скрылось в неизвестном направлении. Уже и свадьба осталась где-то там, позади всего и всякого стремления, откуда никогда и ничего не возвращается. Интересно, а есть ли смысл в Пустоте?!

Любовь привязала к Светке сильно. Но разве в силах любовь человеческая победить боль смерти? Нет, не в силах. Эта боль отравляет в каждые мгновения, давит и ломает волю духа. Алкоголь тоже не спасает, но зато он притупляет ум, а эта слабость очерняет свет, а во тьме ничего не видеть. Сознание сжимается, и мысли не воюют.

Не изменяют образ достойного торжества и рождение дочери, сына. Радости вспыхивают как-то моментально – раз и нет их, а страсть закипает приступами периодически. Дети вносят достоинство отцовства, но вскоре и эта мудрость утеряется на злых наветах ада, который усиленно трудится оправдать свой пост по истязанию души человеческой. Жизнь как-то приземляет все настроения, и только алкоголь в силах смыть неудовлетворение символов всех текущих событий.

Но отчего-то и алкоголь не помогает уже, ни судьба не приносит равновесия и должного покоя. Всё осточертело и опротивело. Вера утонула в крови, а смерть её взяла к себе ещё там, на афганской земле. Когда, когда сошла чёрная пагуба? Непонятно, но сошла и придушила так сильно, что не выкарабкаться из её стальных тисков... От пьянки до пьянки, от заката до рассвета... А по сути – нет рассвета, нет заката. Ничего нет, только бессмыслица и усталость.

Завертелась буря невзгод, завертелась и потекла жизнь как-то вкривь да вкось... А кто придёт и осветит путь свободой? Никого нет рядом, были многие, а остался один посреди тысячи... Куда подевались помощники и товарищи?

– Эй, люди...

Не отзываются... Или их нет?

– Кто-нибудь...

Но и кто-нибудь не отзывается, хотя они-то есть. Ничего не происходит добротного и не приносит облегчения душе, напитанной горькою отравой и блевотиной. Пустота и тьма, тьма, тьма несусветная... Генка со Светкой расстаются.

– Я ухожу...

– Да, ты уходишь...

Всё исчерпано или не дочерпано, а время тяготеет каким-то существенным приговором, оттого и судьба изламывает виски страхом возмездия. И течёт он как-то мерзко и не вдохновенно. А куда течёт? Туда или оттуда? Попробуй-ка, определи свою суть! Не определяется.

– Помру, не плачь...

– Не буду... – Будет. Смерть адская сотрёт все притязания и неприятности, и останется лишь заветная сила сострадания, сожаления и чего-то ещё, непознанного и важного. И она-то, эта сила великая, позволит выплакать слезу сочувственного вздоха по умершему.

– Встану из гроба и посмотрю... – Не встанет, конечно же, и не посмотрит, даже глазком не моргнёт. Никому ещё не удалось восстать по смерти своим усилием. Никто не осилил выйти с полей бессмертных и восстать посреди смертных.

Разговор не приносит каких-то объективных и доверительных смыслов, а растрчивать себя грубыми окриками – дело неумное. Тут и завершён диалог этих слов. Зачем ещё больше усугублять положение случившихся событий? Да, незачем!

Сгорбленной и весьма уставшей походкой Генка бредёт по улицам спящего города. Никого, только он и Тот, Кто над ним разливает такую неприятную и тягостную историю, то ли света, то ли тьмы... Разгадай попробуй... Что-то не разгадывается!

Была семья... Была, а теперь и её нет. На тягучих моментах он невольно вспоминает любовь. А воспоминания не позволяют устроиться как-то определённое. И течёт судьба под косогор, не догнать и не остановить... И сам косогор-то вроде пьяный...

Расстались не на слезах, а на неприязни. Зло тупейшее и пренеприятнейшее сделало себя госпожой случая. Куда подевалась ты, любовь? Когда рассыпалась? Или не было тебя? Или ты посмеялась жестоко? Или...

Но святость всегда неотступно идёт по пятам человека, как и грех. Равновесия между ними нет, смысл есть. Вот отыскать его надо заплутавшему уму, а это не так-то просто. У Генки нет – ни сил, ни желания. Поистратились к 37 годам...

– К чёрту всё!

Ура! вместе!

Чёрт тут, как тут!

Ну, а раз с ним заключён договор, то, естественно, он и будет сонаследником ожидания. И он постоянно станет насиловать свободу, напивая ум своими ценностями. Смерть зовёт к себе всякий миг, зовёт Генку усиленно и он, обдумывая её мерзкий удел, пытается найти правильное решение. Только сумеет ли? Или не сумеет? Смерть коварна, она и безжалостна. Не позволит человеку себя засвидетельствовать правильно, потому что её жало – грех, а грех всегда обречён на скитание.

– Ген, облобызаемся с тобой... – Шепчет обольстительно она.

И он слушает, слушает злобные призывы, слушает набат, сотрясается под их гнётом, но никак не отклоняет их от себя, напротив, зовёт и ищет, ищет и зовёт... В то утро напился, как всегда. Было противно, и дух изнемогал на смятении, и застыла боль холодцом весьма осторожно. Холодец смерти вычертил сумятицу. Стошнило.

– Чёрт...

Опять соприкоснулся на чертовщину! И вот один появился на отчётливом пылу взбесившейся крови. И как-то туманит преодоление нрава человеческого, словно хочет своим росчерком адовым стереть волю земных часов.

– Тусь-тусь...

Какое-то мерзкое пробуждение обволокло чело, и рассвет погас вдруг так внезапно. Страх прихлынул сразу ниоткуда, прихлынул как-то неясно, но сжал образ чутко. Шипело и сверкало зло. Хотелось испариться и стать невидимкой.

– Тусь-тусь...

– Пошёл вон! – И бросил банку. Трень-нь-нь-нь... И вдребезги. Но чёрт ухмыльнулся и покрутил чёрным костлявым пальцем большой ручки около своего виска... И не испарился на приступе отравленного отчаяния, напротив, продолжал играть злобно и ужасно.

В утро, когда Светка сказала о происшедшем, Генка не поверил:

– Не может быть!

– Да! Разговаривал с ним реально и перебил все банки. – Светка ему не врала. А зачем? Смысла нет. Разве такое сумеешь вывести на враньё, когда воля неволи тебя сжимает коварными цепями насилия?! Ад выдумать невозможно, сам является и насилует прескверно.

– Всё! Пора завязывать!

– Пора...

Но не завязал, а сгубил себя окончательно. За что? Ни за что! Жизнь безжалостна и очень мстительна, очень коварна! Но спорить с ней – дело пустое! Уже предписан закон, и отменить его – нельзя! Живи и мучайся, человек плоти! И живёт, и мучается... И мучает других... И таким усилием черпает и черпает ад, глотает его основу, задыхается, но блевотина не стирается, изнуряет и жжёт душу, сердце и тело...

– Надоело! Всё надоело-о-о! – Крик потонул под ливнем и рёвом могучего неба. Небо весьма мрачное и невероятно грозное. Оно наверно сейчас сдавит сущность плоти, чтобы потом выплюнуть её где-то посреди мрака. – Нет сил! Нет...

Эй, душа небесная! Обласкай же, обласкай и согрей светом своей нелицемерной любви, чтобы отмякло выцветшее сердце-то от боли и пустоты житейской и стало бы хорошо и желанно на свете! Но молчание не пролило чуда на землю.

Стояла июньская тишь.

Солнце себя проявило ярко, и по-летнему красиво разливалось в городском приволье наступающего вечера. Деревья купались в свежей омытой дождём листве, а в траве прятались неисчислимы одуванчики. На работе пить не стал, а предлагали. Избежал искушения.

– Нет. – Отказался вполне достойно. Порою достоинство себя хочет увековечить в чём-то особенном, а почему-то потом так же скоро прячется за тенью страха чужого и непризнанного. И куда девается – никто не ведаёт, никто не вызнал ещё.

Возле дома за большим деревянным столом сидят мужики, играют в карты. Что за досуг?! Но и карточное зло легко впутывает душу на прилив крутящихся соблазнов, а их не мало, их тысячи. Но сидят, высиживают свою долю мужицкую.

– Ген, иди к нам... – Позвали.

– Привет, алкаши... – Подошёл. За руки поздоровался с каждым.

А тут считали, кто побежит за бутылкой. Какая-то детская считалка. – Раз, два, три... Это наверно будешь ты. – Смешно? Грустно. Ведь на возрасте мудрого смысла всегда соприсутствует унижение, которое не свойственно доблести и умиротворению.

Когда человек садится в другой компании на санки, например, и летит с горы под вой снега и ветра – это прекрасно и весело, но когда такое изобилие радостного восторга омрачается наветом повзрослевшего зла – это уже больно. Разврат всегда приносит недетское веселье, а мрачное изобилие отвращения, а вроде бы всё начинается просто и хорошо и так легко.

– Тебе водить!

– Мне?!

– Да!

И Петька тут же поспешил в магазин, сгребая со стола деньги большой рукой. А почему бы не пропустить стаканчик в такой вечерок?! Отдых под водочку – это начало неприятного момента для разборок со Светкой. Поймёт! Конечно, поймёт, да вот только твоё положение Генка на данном сюжете весьма плачевный! Ведь это пьянство! А разве оно тебя ведёт на вершину счастья? Нет, оно низвергает тебя с неё в пропасть страсти, где только духота и неволя.

Бутылка на столе и не одна! Разливают по стаканам.

Буль-буль-буль...

Чтобы уравнивать смысл узаконенной трезвости, Светка берёт детей и направляется к мужикам, готовая изменить некоторые возможности мужа и изменить прямо сейчас. Пусть же поработает отцом, это его полное право, тут любовь вострепетать должна бы. И вострепетала.

– Свет, здравствуй... – Он немного смущён, но не сломлен. Рядом любимые и дорогие. Это не пафос. Это так и есть. Только любить-то их времени недостаёт. Да и само время какое-то весьма убогое, безликое и взвинченное что ли.

– Здрассте. – И сажает на стол сына и дочь.

Мужики переглядываются меж собой.

–Следи за детьми. – И ушла.

Да, теперь пить нельзя. Ответственность измеряется совсем иначе. Надо, по-видимому, себя настроить на иное положение. А может оно и к лучшему. Конечно же, к лучшему. А получилось к худшему. Как понять правоту жития? Никак. Сама познаётся за тебя.

– Пап...

– Ну?

–Пойдём на качели...

Идти с родными или остаться с чужими?

Сомнений нет! Это его долг!

И все вместе – отец, сынок и дочка уже на пути счастливых минут. Только отчего-то таких минут очень мало и они весьма редки. Нет, они, конечно же, находят своих истинных обладателей, но тают, как первый снег, незаметно и быстро.

Позади пьянка и, слава Богу!

Зато вечер сообразовался в полюбившей лирике семейного ужина. Намного лучше, да вот не всегда удаётся схватить волю свободного желания по длине земного счастья. Бежишь, пытаешься его догнать, а оно прячется, скрывается от тебя посреди туманов на жёлто-безликом дне, будто ты прокажённый или мерзавец, недостойный снисхождения и торжества!

– Эй, счастье, подожди! Дай тобой освежиться...

– *Некогда мне... Просторы большие... Бегу по ним легко, ты лишь улавливай и удержи-вай...* – И исчезает на покрове ночных мытарств, перемешиваясь с болью ран. И неудачи скачут, как зайцы, торопятся насадить ужасы.

Были же, конечно, и поучительные ситуации, но изменить суть дела не очень-то просто, а порою и совсем нельзя. Будто кто-то сидит внутри тебя, сидит и управляет не только твоим телом, но и твоим сознанием. Хотел бы сделать иначе, но всё наоборот получается. Хочешь одно, а творишь другое, неприличное твоей натуре.

А ведь и зарок давал, божился, не понимая истины и сути. – Пить больше не буду! Клянусь! Вот те крест! – И зарок – пусты! И крест уже не крест! И суть не та. А какие с них толки, если *этот кто-то* никак не реализует твоё стремление – наладить жизнь, а подсовывает своё, отвратительное, нечеловеческое и болезненное движение дел и мыслей, уже из самого сокровенного тебя обезличивает и делает рабом мытарем, изгоем. Это неволе, отделаться трудно, практически невозможно.

Пил и пил в каждый раз на прихотях чужого дыхания. Порою сил не доставало, мир плыл перед глазами отвратительно, но болезнь, её зыбучая страсть, прочно отравляла сущность нравов и чистоты. Бремя, возложенное на Генку, тяготело над ним постоянно, шло по пятам неотступно, только смерть в силах была разорвать неразрывное и принести малое облегчение. Так он думал, но не знал, как это будет на самом деле.

Умирать всегда неестественно думам, но реализуется её воля иначе и неведомо. С чем связана доля смерти никому неизвестно, никто *оттуда* не вернулся ещё и не поведал всей правды. А существует ли она эта правда о жизни иной? Наверно существует, если человек

устремляется к ней своим чутьём. Что-то тянет *туда*... Ежели бы ничего *там* не было, то вряд ли бы и тянуло *туда*...

В эту ночь домой явился далеко за полночь. Раздеться – сил нет. Голова в чёрном угаре дыма и вони. Самому противно. Скорей бы добраться до дивана и брякнуться... И забыться сном, в котором опять будет стрелять и тонуть в реках крови...

Днём Светка убирала квартиру одна и переставила диван с одного места на другое, чтобы хоть немного освежить уют новизной. Приелось всё. И захотелось как-то изменить образ квартиры. Ждала мужа, но ему не до убранства, у него *другие* ценности слов творят новизну.

Он не знал. Не предполагал.

Жизнь текла на пульсе однобокого и пьяного убожества. Чем дышала семья – всё равно, когда человек на запоях, когда ему не виден образ света. Дверь открыл сам. С шумом прополз по стене в комнату и со всего размаху сиганул на диван в надежде поспать.

Не понял. Грохот. И уже на полу.

– Чёрт! – Проговорил испуганно Генка.

– *Хи-хи*... – Чёрт рядышком, совсем рядышком.

– Схожу с ума! Дивана нет... Куда подевался? – И ещё некоторая брань вульгарных и незамысловатых словечек свалились на пол вместе с ним. Душа спряталась куда-то в незнакомые и потаённые места, а сердце заклекотало страстью.

А чёрт скачет тут, как тут.

– *Хи-хи*...

Поднялся мужик с пола, потирая ушибленные места.

Чёрт паясничает, ржёт.

– *Хи-хи*...

Генка дотянулся до света. Выключатель на месте.

– *Хм*... – Чёрт всегда рядышком.

– Фу! – Сразу же и полегло, едва увидел свой вымученный диван на другой стороне комнаты. Кровь внутри взбрыкнулась вольготно, даже протрезвел на неопределённые мгновения! И рассмеялся. Отлегло чуть от сердца.

Потом признался Светке:

– Думал, чокнулся!

А разве не чокнешься от всеусиленного и пагубного пьянства, которое тебя режет пополам безжалостно?! Чокнешься и пропадёшь. Вот и пропал. До окончательной развязки осталось совсем чуть-чуть. Крохи, такие малые и угасающие... Но и крохи надо было выжимать из своего жития усилием чувственным.

– Светк...

Нет её.

– Моя?

Чужая.

– А чья?

Пропил уют любви.

– Эх, житуха!

Житуха ржёт озверело, дико, отупело, роняя капли омертвелого пота на широкую грудь. Чёрная смерть не смывает пороги страхов, напротив, нагнетается болезнью звуками потусторонних качеств, нагнетается весьма невнятно, но уверенно, чтобы сгинуть посреди смысла. Но у Генки смысл рухнул в ночь. Какой к чёрту смысл, когда яд смерти и крови отравил весь покой?!
– Есть что *там* или нет?

Кто знает?! Умрёшь и познаешь всякое настроение и по себе и по всему! Но хочется точно знать и верить, что на том берегу ничего не откроется заново! Жизнь уже не может высветить свои ориентации новых прав и радостей! Надоела однажды и надоела всерьёз! К

чему грузить снова и снова свои принадлежности?! Лучше пусть ничего не поизольётся на чувствах, с которыми расстаёшься навсегда!

– Распрощаться сегодня и хватит! Если есть и там произволение, приму иначе... Или не приму? – Присела на плечи подневольная страсть и всегдашнее сомнение. А вдруг, вдруг и на неведении эти самые чувства растворятся страданием и муками?! Генка ломал сам себя. Но выискивал свою историю на потоке желанной и ненавистой смерти, в которую готовился вступить самостоятельно и один, как всегда один...

О,эта смерть...

А кто, кто последует с ним? Из трезвомыслящих – никто! Никто не умрёт неестественно и страшно, но последователи будут всегда. Таких много на нашей планете находится, кто не смог себя правильно найти в доле страстей и благостей.

Жаль...

Но факт!

И человек же не от себя слагает усилия якобы своим желаниям и якобы своим потребностям. Есть Кто-то или что-то на чём, собственно говоря, и вырабатывается любая зависимость и любая жажда. И потому, прощай, Земля. Прощай всё то, что дала ты и, что взяла ты. Пора уйти туда, где, может быть, и ждут, ждут, хотя на существе совсем не поземному чувству встретят там...

Где там?

О, это неизвестно никому. И потому она, эта утомительная неизвестность, страшит всегда и всякого, кто ощущает бытие внутри себя на пульсе исчезающего времени. Что ж порог неограниченно и весьма неудачно обрисовал себя на привете объявившегося мрака. Встречай его, Генка! Он ждёт тебя давно. Готов ли ты, ты встретиться с неизвестностью? Или ещё не готов?

Молчишь? Помолчи ещё немного. Попробуй организовать правильно факт смерти в своём пытливом уме. Может ещё рано, рано уходить туда? Ох, как мучает неизвестность... Кровь страдает за что-то, а Бог смотрит и не творит за тебя...

Генка! Генка...

– Здесь я...

Что надумал?

– Сомнение колышется...

Так не спеши, не спеши...

– Не могу... Тошно и сил нет больше... Нет смысла и нет ничего, чем можно удержаться на плову бытия... Всё кончено... И нет мира, нет любви, ничего нет... Всё прошло, точно и не бывало, точно не моё вовсе, а чужое, далёкое...

Не прошло ещё... Есть много чего...

– Прошло и сгнуло...

Оглянись, оглянись же назад... Не торопись решать судьбу таким бурным и невероятным натиском ада... Может, ты оставил что-то важное, ради чего сто́ит пожить, ради чего тебе надо себя ещё чуть-чуть помять и сообразовать?!

– Не знаю... Ничего не видать... Всё прожито...

А как, как увидеть-то?! Мрак непролазный повсюду лобзает чутьё, а сквозь него ничего не рассмотреть человеку. Отчаяние лижет кровь души, и мрак не подаёт уже никаких надежд. На таком устройстве не родится любовь к прожитым дням.

Чёртов мотив шествовал на всём отрезке временных лет странствия, и потому именно очертенялось чувственное дыхание на падшем естестве, а не освящалось. Мотив сей всегда соприсутствовал в Генкиной правде сложившегося века скорбей. И постоянно, без усталости чёрт мутил свет в пути на своих мечтаниях, раздувая непутёвые и длинные истории громаднейшей лжи.

Почему же Ангел себя не проявлял так откровенно, как дотошный бес?! Почему Ангел, данный Богом на охранение мыслей и слов, всегда тих на призывах, а чёрт – нет?! Святое отмалчивается, а грешное реализуется. Вот и вся правда! А человек устремляется туда, где свойства дают свои ростки, чем возможно присовокупить идеи жизненных традиций. Как ни банально, как ни странно, но именно грехи и есть условия смысла.

Тогда почему, почему за это человек получает усиленное наказание, почему мучается и скорбит на болезненно-горестном вздыхании и невероятном помрачении? Потому, что именно грехи определяют меру заслуженных наград! Тогда может лучше окунуться в них с головой? Но на таких пагубах человек может себя растерять и наград не осилит принять, а лишь истомится на вечном союзе лет, которые станут мучением и утеснением и новой болью.

Грехи ведут к совершенству, но лишают земной радости и не позволяют общаться с Ангелами. Ангелы всегда на расстоянии недостижимости. Но знания обрастают скорбями, исцеление уже не здесь, а *там*. Логика собирается странно, но такова мера бесконечности.

Опять пропил, прокутил деньги, но никогда не имел к ним пристрастия, потому что чувство материального кипения было ему чуждо. И говорил всегда. – Деньги – это навоз. Нынче нет, а завтра воз. – Но и воз воспалял нутро. Чем больше их, тем, следовательно, больше надо, но как таковых услаждений и приятностей не наступало, одна лишь чёртова блевотина и болезнь изнурительных ощущений опутывала сетями очень настойчиво и ярко.

Нельзя, просто невозможно оторваться от проектов безволия одними своими усилиями, нужна помощь. Не людская, а свыше... А этой помощи ждать без откровений трудно, а откровения приобретаются навыками молитв, а молитвам не обучен... Ничего не сложилось в жизни на добротной воле и по любви к святым достаткам.

Светка сказала на это ему. – Мужья дарят жёнам золото, а ты всё разматываешь впустую... – Сказала не потому, что ей нужны какие-то там драгоценности, напротив, она никогда не любила эти побрякушки носить на себе, но лишь бы привлечь мужа на серьёзность и важность семейных отношений.

Но в ответ услышала от Генки:

– Ты сама у меня – золото.

И оба рассмеялись. Что ж, вот и идея земного порядка сложилась как-то странно, но сложилась ведь. Ни уговоры, ни ссоры дел, однако, не меняли. Запойные узлы уже туго и прочно стянули шею. А сама петля давно ожидала пропадавшего мужика.

Мрак безволия сидел внутри него неотступно и звал к себе на утомительных часах ожидания. И он шагал навстречу уверенным шагом, шагал один, потому что и семья осталась вне всяких дум и использованных чувств, и друзья были уподоблены ветру сомнений, сами пили безбожно и рыли яму погибели.

Но и Тот, Кто постоянно осеменял тело роста жизнью бурь и невзгод, Тот тоже Молчал на Запредельном Покое, а Генка спотыкался, падал и не мог уже подняться из рутины греха самостоятельно. Вряд ли печать, поставленная на него и тяготевшая Волею Свыше, способна победить не свои устроения нравов, а навешанные вражьи (бесовским) насилием только по человеческому хотению.

Озверелая жажда утомляла так откровенно и примитивно, что оставалось лишь сунуть голову в петлю и сунуть поскорее, дабы забыться... Петля была исходом всего, завершением прочих болезней, кои измучивали и вымучили в конец.

Кто-то скажет на покалеченной мудрости:

– Это не выход!

Да, не выход! Но есть ли у вас, господа премудрые и говорливые, есть ли у вас ответ истинного, а не призрачного спасения, когда не слова помогут обрести мир чувств, а надёжная символика станет твёрдым камнем, а не шатким! *Где и как* скопить волю правильных решений, искромсанных прежде смертью крови на дыхании ада?

Что? нет достойного ответа?!

Совсем нет?

Ну?

Тогда не выказывайте свою глупость, не подсовывайте своих язв, пусть и осиянных благодатью всемогущественного света, а может и не света вовсе, а самбю тьмой, от коей одни напасти да тревоги? Все, все живут не от своих желаний и условий, а от тех, которые предложены с момента рождения и потому всякие формы осуждений, пусть и нужных по виду, не прольют долю верности на дух, если уже изначала бытия в Книге Судьбы записано, *кому и как* определять меру смерти и меру жизни!

И записано не нашей (человеческою) волею, а Волею Создателя, с Которым тягаться бесполезно и бесполезно. Им всё стоит и Им всё движется непрестанно! И к Нему же всё возвращается! Конечно, каждому творению из рода человеческих хочется для себя особенных и добротных благ, но коли там для него ничего не надумано, выискивать и ждать здесь – дело пустое и весьма бесплодное!

Судьба любая предстоит в воле Могущественного Бога. Он же Творец! и Ему, следовательно, распоряжаться всеми достоинствами или недостатками людскими. Мудрость приходит тоже от Него и приходит таинственным образом. Попробуй-ка, осиль её неизменные преимущества! Для этого предложена – жизнь и смерть! и вечность! Там и наша человеческая мудрость себя проявит правильно.

Ой, ли?!

Предложит что ль?

Обязательно! Потому что мудрость расходует свои запасы совершенно по другим критериям, нежели смерть. Но мудрость может поймать только тот, кому она необходима, жизненно необходима. А кто лишь сетует на боль и бранит судьбу, у того мудрость не уживается.

Генка не бранит и судьбу уже... Слова обречены войной... Кровь смыла всё самое лучшее, а без крови душа чернеет при сводке безрадостного движения. Нет, кровушка-то есть, но она у него уже прогорклая. Из такой не сотворишь объём живительной влаги.

– Пора в мир иной...

Уже? Так скоро? Может и пора...

Не нам рассуждать о времени о событиях случающихся с нами... Мы лишь находимся во власти всего этого! Но вот встретит ли Тот мир тебя, Генка, не отчуждённостью и воспалением, а соизвбленным достоинством и почётной доблестью любви?!

А зачем голову ломать? Пусть встретит то, что встретит... Решил, так решил... А решения не обсуждаются на земле верным чутьём... Они уже закодированы небом возмездия, когда первый Адам и первая Ева пророчили всему человечеству ад.

Спасибо что ль?!

За что?

А ни за что! Просто так.

Ох, и не охота говорить такую суть. Не охота, а говорится почему-то! И не просто говорится, а как-то истекает изнутри, словно жаждет запечатлеть нечто особенное и полезное. Так и запечатлевает и пользу приносит! Что? Что же, что теперь делать мужику не на закате дня, а на рассвете утра? И утро будет орущим и мрачным... И будет оно стягивать петлю на шею весьма болезненно...

Ох... И тяжело ж...

Эй...

Никого...

Совсем что ли никого?

Ничего себе...

Кто-нибудь, отзовись!

Не отзывается...
Совсем никто... Никто!
Ну, хотя бы кто-нибудь...
Но и кто-нибудь замер где-нибудь...
Эй...
Дайте мгновению чутьё...
Нет...
Не дают...
Тишина зловещая...
Тишина принудительная...
Тишина адская... И такая не шадящая, а ядовитая какая-то...
Не отравиться б...
Даже махонький вздох в эту минуту бы мог...
Но не может и...
Уже?
Ага... Вершится приговор судьбы...
Люди-и-и...
Нет людей!
А кто же есть?

Хоть кто-то откликнись на последний призыв Генки! Ведь решился, решился на поступок! Решился завершить свою земную идею в этот не благостный миг, который так же стих и увял, словно и не было никогда, словно и не звенел над ним так вольготно и так радостно, словно не зазывал на свободу и равенство! Помоги же ему теперь!

Но нет!
Не слышит!
Не помогает!

Не отзывается, отмалчивается, а кто-то, кто-то по-звериному лает над ухом и так противно, так скверно... И ещё запах... Этот запах смерти... О, какой же он отвратительный, дышать не даёт, думать не даёт, мысли заглывает, слизывает с ума жадно...

Миновать?
Не минуешь...
Куда, куда все подевались?
Никого нет...никого...никого...

Но ведь кругом тысячи...миллионы...бессчётное множество, столько всего и всех... Но, нет, не спасут, не помогут, не подадут минутной передышки, потому что петля уже давит на горло существенным образом. Петля вычерчивает прямую... Или кривую?

Увы...
Гаснет миг...
Га-аснет!
А сознание в опале всех чувств!

Непростое решение

На потоке грядущего сентябрьского дня его звали Геннадием Александровичем... Мужик готовился уйти из этого мира в мир иной, как говорится. Такое непростое решение он обмыл волею целой жизни (ему исполнилось лишь 37 лет), но жизни, которая погасила все параметры чувственной многоликости оскудевших мыслей и желаний.

Высоцкий пел во время своё: «...С меня при цифре 37 в момент слетает хмель, вот и сейчас, как холодом подуло, под эту цифру Пушкин заказал себе дуэль, и Маяковский тоже лёг виском на дуло...» Вот и у Генки всё утеряло ценность жития, и ценность всякого пробуждения на всякой рождённой мысли. Утеряло окончательно и бесповоротно! Ждать больше нечего!

Истощились усилия. И остался лишь один путь, пусть и неприятный, но дожить-то его тоже необходимо. И доживёт...

День, как день. Светлый, в солнечной душе захмелевшего вечера, ведь приближалась смерть, порог явной непредсказуемости и тайного испытания. А смерть иных ощущений не преподносит, кроме метаний о смысле, есть ли он *там* или *там* ничего быть не может?! Мечется, мечется безудержный ум по просторам неземным, да и там не находит своего желаемого успокоения. Только усиливается страх обречённого в конец чувства.

Небесная синь разлита в огненных лучах душевных наименований при сложном водовороте многоликих событий, кои множатся и множатся и множатся постоянно. Бог сложил божественные образы на всяком дыхании и сложил для определённой цели.

Дышит утреннее Солнце, дышит Луна на приливах ночи и воздыхают все Звёздные силы, они тоже одушевлённые на цвете словом Жизни! И одушевлены не просто так, ради пустой забавы. В них заложена воля разума человеческой устремлённости! Именно поэтому, когда смотришь в величественность любого неба, то душа тоскует, потому что она божественным светом сложена! И печаль её в том, что осталось *там*, на пороге недоступности.

Итак, знаменательность оформившихся суток размылась волею скучающего мрака, но омылась весьма реально, достаточно загадочно и, ой, как же страшно. Реально в связи с закономерностью, всем приходится умирать! Загадочно, потому что неизвестна Образность Творца, а страшна, потому что вливаться в образ творческого восприятия весьма несвойственно человеку, которого отторгла сама жизнь.

Генке уже 37. Генке всего 37. Мало, чтобы умереть? Или много, чтобы жить на страстях изломанного сознания и болезненного тела? О! такую долю успеха или позора – определит идея Вечности. А ныне, ныне не это обстоятельство кричит о своём впечатлении! Но кричит громко! Услышь его! Услышь же...

Эй, слово! Укрепи могущество боли и страха в душе погибающего мужика, рождённого для всеобщего счастья, а возросшего для личной борьбы и покрывшегося смертным достатком! Да-да, несомненно, борьба всем определена и внесена в идею жизнелюбия, но ведь есть и всеобщие принадлежности радости, а не одной печали.

Где же доля этого всеобщего равенства? Почему спит на жажде исковерканного безволия? Или не спит? Почему порог мук и страданий разлит перед ним так явственно и так обречённо?! Или он проклят временем земли? Или...

Кто, кто же ответит на восставший вопрос непознанного времени, тяготеющего над человеком, желавшего радости счастья, а вкусившего волю тьмы, вкусившего для чего-то?! Может, ответишь ты, Время, или тоже нет ответа?

Эй, смелые и непринуждённые, ответьте...

Не отвечают...

Почему молчите?

Нет и вы, вы тоже не в силах подать желанное успокоение и торжество, тогда и не в праве осуждать злодеяние, которое бьётся возле вас или проходит мимо... Или помогите, или отступите и помолитесь тихо. Но не судите, не ваша воля!

Двадцать четыре часа Генка готовился к событию, которое полностью осквернило и парализовало вспотевший и вскипевший мозг. Пребывал в ясном помышлении малые миги, но именно на них и складывались дела последних и завершающих шагов странствия на чужбине. Именно на чужбине, хотя эту огромную планету и принято считать собственностью души.

Но Земля, предложенная нам в пользование – это всеобъемлющая доля любых страстей и болезней, смертей и разврата, а на таких условиях она уже не Родина, не Отечество, она чужая, незнакомая Земля! Отечество наше, человеческое, не здесь, оно там – у Бога.

Или сомнение сеется?

Коли Бог именуется Творцом, то Он вне Земли, так как сама земная непригодность есть часть сотворческого плана... А раз так, то и нам жить с Ним вне всего нынешнего... И Бога надо понимать не как что-то человеческое, а как Необъятное совладение Слова живого!

Итак, приближавшийся рассвет нового везения или невезения пробудил историю чёрной слезы. Генка не спал в эту ночь. Он то и дело закрывал и открывал свои большие глаза, которые прежде были синими озёрами, а сейчас и поблели от неправильного жития и из озёр стали мелкой лужицей, такой безжизненной и выцветшей. Потирал руками эту невзрачную лужицу до боли и подумал на прихлынувшем волнении:

– Обнять бы Светку...

О! он любил её на чувстве дикой страсти и ревности, но сам, сам разбил волю добытого чуда, и теперь вот лежит на смятой кровати один с тяжёлым дыханием не утвердившейся житухи, которая, ко всему прочему, ржёт над ним озверело и дико.

Счёт искусно отмерял мгновения.

Час...

Минута...

Секунда...

Есть ли что ещё? Есть, но умом не постигнуть, не уловить, не вывести. Время текло, бежало, прыгало, вся правда где-то растерялась на закате не умершего, но умирающего века. Печать пьянства вскружила не одну голову, она опалила все чувства большого тела и большого ума. Пить начал там, пить по-настоящему... А потом, потом лишь укрепились жажда. Азы были на возрасте, их семена посеяны, когда домашний очаг осыпал его свет мраком, а друзья лишь усиливали волю растущих чувств.

Постепенность и ритмичная основа неблагоприятной воли расстелила ковёр плодоносного расцвета хаоса и мальчик, опоенный войною и кровью, окончательно испёкся в пьяном дыму и угаре. Все эти нестройные мыслишки как-то осиротело и убого просверлили изломанный ум.

– Пить не буду, – твёрдо решил он. И неспешно, словно старый измученный дед, встал на затёкшие ноги. Осколок после ранения снова зашевелился. Боль мгновенно сдавила опалённые виски. Опять вспомнился тот день афганской войны...

Жарилось солнце на знойном песке. Невыносимая духота испепеляла основу мозгов. Плюс шестьдесят... Попробуй, высвети мудрую веру раскалённого чувства, когда клокочет и дыбится кровавая завеса смерти на чёрном дыхании ада...

Не высвечивается...

Выпили спирту... И в атаку... Повсюду вой снарядов и крики, стоны умирающих бойцов. Нет, не отчаяние бурлило посреди хаоса невнятного и чудовищного бессмыслия, а преодоление чего-то ужасного и необъяснимого. Вырваться бы... Не могли...

– Командир, что делать?! Приказывай... – Вопли рассыпались под райские мелодии блаженной весны! Но и блаженность чужеродная и сама весна отчего-то скалилась злостно и яростно, словно её щекотали костлявые руки Ада.

А что делать? Идти к своему долгу службы, она поставила тебя, человек, на боль и теперь испей её дух с надрывом своего, только своего ощущения, ради которого ты получил титул воина, а не варвара. Рвутся образы звуков насильственно и омертвляют волю молодости, смытая цвет любви и мира с сердца, покрытого мраком клокочущей бездны. И спирт не берёт, глотаешь в трезвости бездарное пробуждение хаоса и издыхаешь тоже трезвым.

Огонь... Шум... Брань... Вокруг – царственная смерть. Она лобзает души убитых солдат, убитых ни за что... Подвиг ради пустоты... Но это, действительно, подвиг, который достоин награды... Награды – жить! А приходится умирать... Умирать в такой солнечный, синий день под пение ликующих птиц...

Откуда ты, птица, взялась, откуда прилетела и для какой радости? Не радость здесь, а боль... Дай крылья, чтоб взмыть под облака вместе с тобой и воспарить в вышину вдохновенного простора, где нет смятения и тревог, где посеяна слава любви!

Атака... Вой... Мат... Проклятия... Ужас... Мины... Река крови... Хочешь нырнуть в эту реку и проплыть хотя бы несколько метров?! Не охота? А и им тоже не охота, а надо... Кто-то сказал, что надо, парни, а парни такие молодые...

Захмелела плоть...

– Надо выпить...

Время бежит и бежит неизвестно куда, но торопится, будто бы хочет догнать утерянное и непризнанное ещё, оно не подвластно никому, если только не переменит Бог его возможности. Нет, ныне не переменит... Не наступил черёд совладения по вечному движению... Не наступил пока. Дух измученного Генки мечется туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда... Он натягивает спортивные штаны, идёт на кухню.

В горле сухость. Жжёт сердце. Глаза ищут пойло... Вчера было, оставалось немного. Или отец спрятал? Уже трясёт... Руки интуитивно схватили стакан. Пусто. В бутылке – только капли, не спасут... Слюна горчит, а душа мается и рвёт кожу. Открыл стол, и там нет. Только продукты, но от них тошнит.

– Чёрт!

Сумятица на всём дыхании разрывает глотку.

– Пойду к Серёге... Он нальёт...

Спешно выскакивает на крыльцо. Радостно встречает утро. Но сегодня почему-то оно не приносит облегчения, его светлость только напрасно разволновала дух. Желания притупились, и сразу же переменялось настроение.

Естественная нужда повела в туалет... О! эта жёлтая и пахучая вода изрывает почки! Неприятное впечатление, а и его проживать приходится чувственным наветом. И проживается с горькою противностью... Не отделаться уже!

Свежий ветер ласкает волосатую грудь, а сине-поблёкшие глаза осматривают даль бескрайнего неба, но нет в них огонька живого, только тоска. Генка что-то почувствовал! На него опять, в который раз, свалилась чёрная печаль!

– Эх, жизнь! зачем явила себя во мне?!

Вопль взлетел в рай. Но долетел ли? Может, коснулся ада?! И свалилась опять дума о смерти. Свалилась прямо под ноги, и живот смялся новым приступом отчаяния. Оно ныне какое-то склизкое и тяжёлое, наверно вырвет. Изо рта рвётся блёва.

– Есть ли что там? – Подумалось невольно.

Есть, конечно, но он не верит... Он прошёл войну... Она искалечила не одну плоть... Дух мёртв... И оживить его уже нечем, нечем, нечем. И Сам Бог не поможет, ибо съедена воля криками о помощи... А помощи ждать было не от кого!

Они тогда призывали Его, могущего отменить приговор чёртовой и бессмысленной смерти, но Он по обыкновению Своему отмолчался и всех убили... Где Ты, Великий Победитель? А? Война за родину – это понятно, а война – ни за что – это глумление над святостью...

И всё-таки решение сошло ниоткуда, но сошло реальным чутьём и натиском, и было обдуманно не в одно мгновение. Да и мгновение не покривилось, но позатихло на думках. Генка умылся, освежив серо-помятое лицо.

– Надо побриться...

В зеркало на него глядел ужас пьяного отражения, глядел весьма проникновенно и так настырно, что было отвратительно и невыносимо глядеть на самого себя. Тошнило, и горела глотка, словно её ошпарили кипятком.

– Я что ли?

А кто же?! Ты! Образ пьяницы сложен жёстким наветом поражающей тьмы. Ещё несколько часов уплыли куда – неизвестно, но от них ничего не осталось, ничего полезного и нужного. Одна пустота и бесполезная ко всему прочему.

Думы резвились в голове бешеным натиском. Мужик готовился вступить в вечность, которая его не привлекала, в которую он не верил, но которая всё-таки утомляла сознание и мучила. И как не парадоксально, но она звала его к себе! Звала на реальном чутье, звала к себе... Мысль стукнулась о борта болезненной плоти горячей волной:

– Выходит что-то есть в ней?

Пойти что ли? Или обождать?

Решает не он, а за него... Решает кто-то...

Само ощущение было спрятано глубоко-глубоко... Оно постоянно оживотворяло предметность невидимого, но существующего не на одном человеческом воображении или недомыслии. Вечность-то была, независимо чувств!

– А вдруг...

Знаний нет. Любви нет. Веры нет.

А что есть?

Ничего уже нет в арсенале скопленного бытия. Всё растоптано и скомкано как-то трагически и противно на фазе собранных слов и приходящих мыслей. И смято чем-то весьма значительным, но вот определить суть значимости никак нельзя.

Молитвенная символика складывает все периоды правильности и мудрости, а ни того, ни другого в голове Генкиной – нет, и не было никогда! И не потому, что он этого не хотел или усиленно противился святости, а оттого, что время выстроило иное расписание его духу!

В памятной же доле он всегда видел святое начало! И дома, когда жил с родителями, и в своей квартире, когда жил со Светкой, он зрел образ некоего смысла веры. В красном углу всегда висела икона Божьей Матери с Младенцем на руках.

Пусть не ходил в храм, но воздух церковной грамотности разливал свою святость на взглядах. И иногда он на тайне обращал к Ней свои речи! Малые молитвенные вздохи стали началом святости пусть и неосознанной, но настоящей и неподдельной.

Любое помышление боли, скорби, нужды, излитой из души, означали духовность! Богу молишься духом, и это уже творчество боголюбия. Жаль, что неграмотный человек не ведаёт в себе такое великое направление духовности, соединяющей его с Творцом. Но как бы то ни было, такое усердие всегда ведёт на вершину божества и даёт право жить с Богом в Боге, пусть и на резерве чувств сеется зло!

И сейчас именно она, святость Бога (Промыслителя и Вдохновителя), помогала себя ощущать на страдании и мучении. Размышление сходило незаметно, а оно и было началом величия и торжества по приобретению вечного смысла. Брякнул словечко:

– Пустая жизнь и бесполезная...

Конечно, бесполезная. Вера не дышит. Она на потоке непролазного мрака, который не подаёт свет прозрения, душит и мнёт любое продыхновение. А такую веру выявить невозможно даже, если она и будет вопить постоянно о себе:

– *Вот она – я! Жду тебя, человек!*

Всё равно не услышать её живительный привет!

В руках верёвка. Попалась случайно или не случайно? Её образ сдавил горло неприятностью ползающих мурашек. Они привскочили как-то горячо и пробежали по спине нагло. Страсть сгустила болезненные моменты. Решил про себя:

– Да, сегодня... Хватит... Всё осточертело...

Чертовщина при уме, и на самом деле ютится всегда рядышком, словно подстерегает путника заплутавшего. Удел безумия схватывает любое помышление. Света не видать. А где увидишь-то? Он там и он тут... А попробуй дотянись... Не достанет рук.

– Иди, поешь, – позвала мать.

Не охота. Туманится голова от пьянства. Но за стол сел молча и уныло. Выпил. Жар утихомирился слегка... Все чувства не на месте, они хлопотливо летают внутри тела и просто прижимают его достоинство, ведь святость растоптана. Не специально, конечно, а условия таковы.

Мудрость не спешит к нему, где-то позадержалась, с кем-то ещё там ладит и дружит, принося свои определённые и полезные плоды. А он? А он в одиночестве греха, страсти и погибели. Один. Один. Кто с ним? Мысли губительные.

Найти мудрость на земле – трудно, когда она обитает в вере, надежде и любви! А почему трудно-то? Потому, что все эти богатства можно стяжать только через духовное наследие! А у человека, рождённого иначе, духовной воли не существует. Он живёт и страдает от тела земли.

Поковырял яичницу вилкой. Глотка горит. Сухость жжёт её ещё большею назойливостью, некую болезнью, и выявить исток добротности уже абсолютно нечем. Толка нет. Пользы нет. Покоя нет. Что же есть? Пустота внутренняя... От неё сил не понаберёшь и не выявишь свою значимость.

– Ну, чего не ешь-то? – Спросила мать.

– Не охота...

Копал картошку вместе с отцом. Труд облагораживает человека и не позволяет думать о плохом. Враньё! Земля снова навевала мысли нерадостные: *«Тело закопают... Всплакнёт ли Светка? И будет ли что потом?»*

Опять таинственным чутьём на плечи присела любовь.

Май...

Теплота...

Звёздный разлив в могущественном просторе надежду стирает незаметно... Тихая такая радость кружится легко и свободно, не надо никому её подгонять или выпрашивать, глядя на высоту звёздного кипения. Эта радость сама вращается в сердце.

Вернулся живым...

А зачем, зачем ему эти медали, если война забрала всех самых лучших и самых отчаянных... Эх, парни! Вы остались там, а тут жизнь мрака, и она не подаёт терпение и удовольствие... Но вот ещё одна награда... Сумеет ли он принять?

– Как тебя звать?

– Светка...

Эта награда самая лучшая. Она не даёт смерть... Она возвращает в рай, тот самый, утерянный, но не потерянный окончательно. А есть ли рай на земле? На земле – да. Он в любви покоится, но и его достать не так-то легко, не все могут прикоснуться, не все.

А на небе?

Новые мысли закружились так сильно и так скверно, что захотелось ещё выпить... Мать уже не нальёт, да и у отца не попросишь, откажет... Надо найти где-то... Кто выручит? Или уже никто не подаст временного покоя? Ой, покой в вине?! Нет, нет его там!

Вечереет.

Течёт, течёт воля часов.

Минута... Секунда...

Река звенит упоительно.

О чём поешь?

О Жизни. Но ведь она уже проходит мимо, мимо проскочила и не догнать. Разбилась о берега неудобств и страданий, бессмыслицы и пустоты. Разве это была жизнь? Наверно жизнь... А кому нужна такая неестественная пажить чувств?! Никому.

Волна серебрится слезой. Матери плачут и вдовы. Теплота воды оmyвает уставшее тело, но не после копания картошки, а оттого, что ничего уже нет на душе. Одна безликая пустота...

И сморкается пустота кровью... Лёгкая грусть, но давит сильно. Ох, совсем рядышком и пытается как-то повлиять на человека, решившего умереть.

Что в тебе мудрого?

Ответа нет... А где есть?

Скачут мысли, скачут, как кони в степи. Не догнать, не прогнать. И измучивают до тошноты. И чёрт поблизости лобзает волю часов, торопит их и гонит в ад. Смерть перед взором. Её покрывало странное и чёрное. Веет холодом и ужасом. Может *там* хорошо? Там – это где? А чёрт его знает!

Ужин. Выпил чуть-чуть, совсем чуть-чуть. Разговор с родителями не прибавил доходчивой идеи на смысл. Они, как всегда ныли и стягивали нервы до одури, а ему сие было не под силу. Он ждал иных последствий, не вытрёпывания нервов.

– Пора за ум взяться...

Взялся бы, да убёг куда-то ум-то... Остался на войне.

– О чём мыслишь? – Отец что-то пытается доказать.

Ни о чём, уже поздно доказывать, орать, ибо всё хорошее-то растерялось посреди просторов и полей. А было ли оно это хорошее? Может и было когда-то, но память съела их толки. Что-то и не видать нигде. Но ведь есть где-то добрейшее?!

– Сделай то, сделай это...

– Хватит то, хватит это...

Надоела лирика кричащих и безликих слов! Избавиться бы от нудиловки, она разъедает основу духовного приобретения. Ему бы сейчас покоя не опробованного и весьма полезного. Где возмёшь, где сыскать? Взять негде, отыскать тоже...

– Ну, вас...

Пошёл прочь с кухни. Пошёл туда, где не слышать чужое насилие и чужое устремление. Хочется понимания, а тут опять извечное нытьё, а ему и так не вмоготу. А во след мать ворчит. Не прислушивается, но догадывается, о чём говорит. Опять о семье, о детях, о том, о сём... И так, тошно, а она усугубляет итоги! Снова вспыхнули думы о плохом, а светлость бродит не здесь. Надел чистое бельё. Сел на диван. Прорёк сухо:

– Забыл ногти постричь, а то у покойников быстро растут...

– Ты помирать, что ль собрался? – Спросила безучастно мать, совершенно не отягощённая болью единственного сына. Но она переживает за него по-своему, хотя и не представляет, *что* у него внутри сидит и *чем* изламывается сердечная страсть!

Генка промолчал, а к чему ломать слух напрасно?! Его дух витал уже далеко-далеко, не при теле, не здесь, но само тело вздрагивало в каждый раз, когда били часы. А били они как-то трагически, словно навевали набат смерти.

А тогда они играли с сыном и разбили их. Стрелка упала на пол слишком спешно... Замри, замри миг! Не тревожь грусть напрасно... Нет, не может замереть, спешит, бежит куда-то, к кому-то! Не торопись же! Приостанови бег свой!

Минута... Секунда...

В десять вечера он вышел на крыльцо, может быть в последний раз засвидетельствовать этот порог, истоптанный тысячными шагами. В такие мгновения жизнь становится весьма тонкой и осязаемой, и всякая мыслишка напоминает о прошлом.

В тот раз ночь ласкала их вместе со Светкой... Она рядом, и он чувствует тепло её родного тела... Им спокойно или нет? Тишина ночного пробуждения ласкается осторожными шагами. И крадётся разлука, словно нет ей дела до любви. А любовь была ведь... Была, не смылась, но стала пресной. Сдавливается сердце от избытка крови, сдавливается, но не останавливается... Было, было счастье, но отчего так мало оно себя проявило? Очень быстро проскочило и умчалось вон за тот поворот... И сам поворот уж чего-то не улыбается, а скалится и на оскале рвёт душу...

– Любила ли она меня? – Мысли сминают последний итог.

А помнишь, когда твой брат в разгар свадьбы позвал Светку сбежать вместе с ним от тебя, от суеты, ото всего, она не сделала этого! Он сказал ей, горя страстью, и это было его чувство, которое его принижало, да не угнетало и не делало великим, потому что каждому человеку отписан определённый факт судьбы и не уйти никуда от сего. – Свет, брось Генку! Идём со мной! Я люблю тебя! Мы созданы друг для друга! Я подарю тебе любовь, независимость, я дам тебе всё, чего пожелаешь! – И при этом глаза сжигали безжалостно, трепетно и больно. И плоть мужского трепыхания заиграла новыми красками соблазна похотливого и неприличного.

Но она даже отшатнулась от такого убожества! И доверилась тебе, оставшись с тем, кто предназначен житием земного уклада! Не помыслила даже намёка на вульгарное предательство. Если любишь, то любишь навсегда! Ежели ненавидишь, то и неприязнь остаётся на долгие годá. Такова фактура смысла.

И это ещё далеко не всё! Ведь и во время сватовства тоже, тоже твой лучший друг позвал её замуж, обещав при том не просто хорошую жизнь, а вполне обеспеченную и богатую. – Не выходи за Генку! Он не даст тебе ничего! А я озолочу тебя! Уедем за границу... Построим дом, свет благой и вечный засеребрится над нашими головами... Подумай! Решай сегодня...

Он обещал ей весь мир подарить! И, может быть, подарил бы, кто знает! Но она весь мир вменила ни во что и осталась с тобой, кто был впереди всех, а не позади! Это о чём-нибудь тебе говорит? Подаёт ли волю добротной надежды?

Ответ был краток:

– Нет!

Твои близкие строили козни, неумные страсти, а она, чужая и далёкая на тот момент, тебя никогда, слышишь, никогда не отвергала. Сама испросила для себя именно твоё поручительство на тайном дыхании могучего слова... И не спрашивай – любила или нет... Любила, но теперь любовь умерла вместе с тобой, а боль – жива. Боль осталась, а любовь...

Эй, любовь, где ты?

Молчание. И оно не тяготеет бременем, оно как-то печалит несомненный образ потаённой святости. Печаль же не ранит, а ведёт на вершину какого-то определённого счастья. А есть ли она там, куда собирается путник? Есть, есть, но доступна любовь уму, совоспитанному знаниями неложной святости, а у Генки святости почти нет! святости по идее жизненного шага.

Но война – это высокая святость непревзойденных чувств, а как, как их окрылить, если кровь и смерть эту святость затмила и обезличила, сравняла с землёй?! Видимо ещё и ещё предстоит шагать, чтобы найти свою святую волю во всеобщем равенстве, а не в рабстве, найти где-то впереди.

Ночной водоворот усилил энергетическую боль внутри тоскующего и изломанного тела. Пожить бы чуток, хотя бы самую малость... Не плохо, конечно, припасть на радужное сияние зовущего рая, да вот только где оный взять?!

Смялся вопль:

–Эк...

Ночное таинство звёздных огней зовёт его к себе, зовёт в каждую минуту, в каждую секунду, а сами минуты и секунда тают, тают, тают... Они, эти вдохновенные звёздные огни, машут ему руками неизведанного, непознанного торжества. И говорят, вопят, но не слышит Генка их внутреннего привета.

– Что вам надо?

Тихий свет обнимает чувственное сердце, обнимает горячо и немного неестественно. Оно загорелось моментально и замерло в ожидании чего-то. Может, наступит радость или поздно уже? Нет ничего? Али есть? Как вызнать правду?

– Дети... А помнят ли они меня?

Сколько раз, будучи отцом, он испивал детскую восторженность своих чад! Их у него двое – дочь и сын. О! забурлила жажда, взволновав кровушку, унесла туда, где счастье. Хотел сложить его образ во всех направлениях, хотел, да не сумел... Узнал о рождении дочери в полдень! Вспыхнула с жадностью поступь мысли! Выпил чуток и полетел на крыльях в родильный дом! Морозный воздух февраля отрезвлял дыхание! Было немного не по себе...

– Светка...

И в окне они – самые дорогие и любимые – жена и дочь... Чудо в одеялке тихонько спит и ничего ещё не знает. Красивая, и похожа на Светку... Такой маленький носик и розовые губки... Так чудесно смеётся и посапывает, словно жаждет получить от него непростое отцовство, а и ещё что-то... Из больницы нёс сам с гордостью! Стал-таки отцом! Обязанности не убавились. И в первую ночь самостоятельно пеленал малышку... Память разливалась горячо.

– Дочь... Взрослая уже...

Покатилась слеза забвения по небритой щеке. И её мера немного поубавила душевные силы. И не стёрлась память, а ещё крепче привязала на земную зависимость. Тихая печаль присела осторожно и плакала вместе с ним.

– Сын... Взрослый уже...

А в ту весенне-апрельскую ночь, когда светила луна, он повёз Светку в роддом на скорой помощи. На улицах города очень тихо. Все спят. И никому невдомёк, что он опять, опять станет отцом! И теперь уже у него наверняка родится сын! Это ведь такая благодать и почёт для мужской гордости! А, по сути, какая разница, кто родится?! Главное, чтобы здоровеньким родился, да счастливым после был!

В утро уже знал: родился крепкий здоровый малыш. Сын! Его сын! Он пребывал в радости! Не пил... А потом все вместе, вчетвером, шли с двумя колясками домой... Сжалась плоть... Гулял с ними, играл... Ласкались они душками, пухленькие, розовощёкие и всегда весёлые... Смех лился непритворно. Болели, страдали, плакали, смеялись... Светка всегда и неотлучно при детях.

Нет, он любил их... Любил... Любил... Пусть мало, мало давал отцовского тепла, заботы, но чувства не отсырели от гари безутешного пьянства. Он и сегодня их любит, хотя любовь наверно носит характер жёсткий и беспокойный.

– Дочь... Какая она сегодня? Невеста... Будет ли печалиться, когда меня не станет? Вспомнит ли отцовское усердие, если я уже не приду и не скажу ей слово своё? – Мысли сеются бурно, наскоками, ломают душу. – Сын... Похож ли на меня? Не повторяй моей судьбы, моих ошибок, не повторяй, сынок дорогой... Не пей, сгубит окаянная и загонит в тупик непролазный... Не даст высвобождения и покоя желанного... Слышишь, сынок...

Новая слеза ударила о колени. Заныла свобода, и дыхание завертелось иначе. А там, под подушкой – верёвка... И она ныне какая-то тягучая и отчаянная. Она ждёт шею, его шею. Не хочется влезать. Но влезет. И не вернётся назад...

Мигают звёзды, а звездочёт считает: раз, два, три... А кому они нужны, если смысл потерян?! Пусть хоть миллиарды... Ему они ныне не нужны, совершенно не нужны, потому что он уходит в их вечные владения. И там рассыплется посреди необъятности и бесконечности... И уже никогда, никогда не возвратится обратно и не удержит благодатный миг земного сотворчества.

Или удержит?

– Есть ли другие миры, цивилизации? Есть ли что в пустоте?

И цивилизации есть, и миры! Их бесконечное множество, только они усеяны иным сочетанием звуков, нежели твоё, Генка, представление о них. И смысл в пустоте разлит не просто так. Но познать его придётся не здесь и не сегодня. Сойдёт дух прозрения, незаметно ниспущится в колодезь сердца и откроются веки бессмертного чутья, и поймёшь: жил не зря...

– Эй, пустота, молчишь? Не можешь ничего сказать?

«Скажу, да не услышишь...»

О! услышать образ её привета способен не всякий ум, а особенно тот, что отягощен мраком и тяготой несусветного зла. От мрака не поспеваает (не созревает) духовная лира благополучия, она лишь омывает виски. В таком торжестве не ожить...

Тик-так... тик-так... тик-так... тик-так

Час...

Тик-так... тик-так... тик-так...

Минута...

Тик-так... тик-так...

Секунда...

Тик-так...

Как быстро, ох, как быстро возносится память убегающих часов! Возносится в никуда! Или в куда? Потихе, потихе, потихе... Не спеши, не торопи разливать приближающееся событие! Человеку страшно умирать в неведении.

Тик-так... тик-так... тик-так...

Тик-так... тик-так... тик-так...

Кинул в последний раз взгляд в небо через окошко, оно какое-то тяжёлое, совсем безрадостное, но зовущее, пусть и светится с недоверием, ведь дума носит боль не увековеченную, в болезни навсегда рождаются нестройные образы и чувства, подумал с надеждою:

– Увижу ли?

Увидишь, но иначе, иначе предстанет образ обновлённого чувства, но как, как встретит? Как изольется образ явного бессмертия? Мысли взвинчивались, смыкая и размыкая тяготу прожитых, но не изжитых лет. Или уже изжиты? Изжиты окончательно и бесповоротно? Сумятица рождает новый сюжет. И сюжет нестройный, изворотливый, но нестройная изворотливость ведёт его в иную сторону. Зачем? Не постигнуть...

– Господи...

Что?

Нет, нет должной духовности, и общения с Богом тоже нет, хотя малая часть духовного прозрения находится на основах мыслей и раздумий. Тьма облизывается и подстерегает повсюду. Вспомнился опять первый день знакомства.

Тихий вечер родил лунную свежесть. Сиреневый май был покрыт звёздным привольем могучего неба, с которого падали тени тайных звуков, падали проникновенно. И так захотелось вдруг припасть на эти звуки своим чутьём.

Вон там, над куполом разрушенного храма, висит Петров крест. Созвездие дарит особенную загадочность, а знакомство со Светкой обнимает чувственное желание ярко. Она понравилась ему с первого общения! Взгляд смелый, озорной. Не наглый и не презренный и не кокетливый, открытый и честный. Они недолго встречались, но казалось, что знают друг друга целую вечность!

Через полгода поженились... Может, поспешили? Надо было проверить чувства, повзрослеть, уравнять меру страсти, чтобы не сгубила чумовая блажь. Но от судьбы не уйдёшь. Расставаться с ней не хотелось, а вот расстались навсегда... Или нет? Может, не расстались посреди всех событий? Он доказывал свою любовь ярко и странно.

После свидания они по обыкновению распрощались. Ночь. Тёмный небосвод не залит огнями светил. Ветра нет. Июльская жара в норме. Голова в прохладном упоении. Чувства искренне поддерживают огонь приятной влюблённости.

– Пока...

– До завтра... – Светка ушла.

А Генка остался на покрове огненных светил и подумал про себя кой о чём, улыбнулся чувственным навыкам, с которых слетела волнующая нотка величественного упоения и любо-

пытства. – Как она среагирует? – Ему было интересно удивить её, такую непохожую ни на кого. Светка жила с матерью на четвёртом этаже пятиэтажного дома. Но это ведь не препятствие для любви, если она клокочет не только в одном сердце, напитанном разными усилиями плоти. Люди редко пробегают по дорожке возле окон. Ну, если и приметит кто, что из этого?! Пусть думают, что хотят! Ему всё равно! Но он принял решение и не отменит его! И в этом его душа, его натура.

– Светка...

Одно это уже воображение увлекает избытком волнующихся пульсов, которые стремительно растут на часах времени. И полез по балконам. Никто не потревожил, хотя кое-кто испугался, увидев человека, карабкающегося вверх...

Не остановили...

О, попробовали бы!

В несколько минут он достиг заветное окно. Взглянул сквозь шторку: Светка спокойна, занята своими делами. Стукнул... Она сперва метнулась к балкону, а потом вдруг страх мгновенного чутья пробежал по спине на мысли чувственного тела:

– Это же четвёртый этаж?!

Но приоткрыла тюль... Ночная прохлада не усилила волю кровавого страха... Там стоял Генка и улыбался... Нет, не как дурак, а как человек, на которого возложена печать любовного кипения. А когда поженились, то он вообще лез на восьмой... И нет страха у него, нет ничего, кроме некоего совладения и права на любовь... Тут уж соседи выходили и говорили:

– Ген, иди через наш балкон...

А он отказывался, пусть при том тело было подвержено риску несчастного падения, когда зимняя стужа ждала любой оплошности, а незримые твари весьма искусно подталкивали его вниз. – Нет! Я люблю Светку! Я так! – Кричал громко на всю округу посреди ночи, но крик его терялся в черноте мрака, хотя воля смысла не смывала болезненность мятущейся крови, которая мучила душу мужика: Светка, я люблю тебя, правда, люблю!

Ну и люби себе на здоровье! А вот само здоровье подорвалось на уровне сошедшего из преисподней безобразия и пьяного недомогания. Виновата доля неравенства. А избежать нельзя, ждала и живи, как осилишь. Не сорвался вниз, не разбился, хотя на таком моменте наверно лучше, если бы разбился, потому что чужими руками задела б смертная доля такового мерзкого отвращения, а пришлось вот накладывать руки своего произвола на себя самого.

Такие вот дела. Жил, как господин, а закончил жизнь, как раб... Кто ответит и кто объяснит логику сюжетного оборота? Почему так всё повернулось, а не иначе? Отчего не поменялась возможность? Ответов не находится.

– Будет ли Светка печалиться обо мне?

Да, ему, конечно же, хочется, чтобы его помнили, чтобы умер не зря. Неужели страдал за просто так?! И вся сумятица жития просто так выворачивала наизнанку? Нет, нет... Никто не забудет тебя, Генка! Твоя участь горька, но она и трагична. Всегда зажжётся свеча на алтаре Святого Христа. И пламя согреет твою холодную кровь. И потеплеет душа. Молитва коснётся мгновенно, если осилишь её полёт.

Поплачь, человек...

Мысли лавируют многообразно и не могут утихомириться... Какая-то непревзойдённая и порочная страсть их расходует странно. И само чутьё оскверняется от запаха приближающегося тления... Тлением возбуждается приток новой страсти...

И снова Афган...

Военная драма напряжённости понемногу затихала, хотя на афганской земле оставил всё самое лучшее, а на русскую землю привёз разбитое впечатление кровавых и болезненных усердий и отвратительное усилие изломанного сознания.

Там в раннее утро отворилась дверь ада. Атака была внезапной, и мощный залп орудий не умолкал долгие часы. Сверху надрывался самолётный гул, а внизу ревели танки... Он был командиром отделения и у него свои обязанности по форме приказов свыше...

Кто определил им меру смерти? Тот, кто определил, готов ли сам ступить на тропу войны?! Эй, правители и законники! Не отмалчивайтесь! Дайте ответ, дайте справедливое решение ваших приказов, от которых сами не страдаете! Дайте ответ Солдатам! Дайте ответ Матерям! Не отмалчивайтесь, как Бог! У вас есть язык, есть слово! Нет, молчат проклятые...

*Чёрный месяц застыл в чёрном кружеве сил,
Я на грешной земле отмечтал, отлюбил...
В незнакомом просторе встречает родня,
Простите Солдата...не забудьте меня...*

И такая невыносимая печаль пронеслась мимо, что душа вдруг вспотела от чувственной боли, с которой не вдруг, но как-то торопливо прискакала горячность к нервам и замесала адскую бурю в крови. Генка отвлёкся от тягостных воспоминаний, которые так незаметно ранили сердце. И чувство-то как-то тревожно зануло. Жизнь... Жизнь... Где ты? С кем ты?

Минута.

Секунда.

Тик-так... Тик-так...

Тикают часики. Ох, уже это нетерпение...

О! это непростое время жмёт последние страницы прожитого, стирая любые грани. Два самых главных события постоянно бередают душу – война и Светка. Но вдруг и эти идеи вытеснила доля смертного одра. Всё как-то осталось позади.

Опечалются ли любимые и близкие? Да, опечалются, но не так, как ты представляешь это печалие в своём пытливом уме. Печаль проснётся страшно и осквернит миг! Рыдания глухие, да вопли и стенания омрачат рассвет ранней осени. Пересуды, да козни усилят жертвенность насильственной смерти, но неизбежной и такой ужасной. Слеза чёрная скатится волею страха и застынет на холодном и ледяном сне, застынет навсегда и не скоро уже отогреется. Такая печаль тебе по нутру, Генка?

– Нет!

А после и вовсе стихнет, затмится боль... Но не отчаивайся на стоне воркующего зла! Не отчаивайся, человек плоти! Не уснёт молитвенная песнь за твою бессмертную душу, хотя скисла твоя правда и завяла желанная надежда.

Зачем, зачем вдруг на образе вскипели глаза того афганского паренька лет шестивосьми? Такой убогонький... По пыльной дороге ехали бойцы советские на танках... Рядом бежали голодные детишки и что-то орала безутешно... Остановились под их крики. Смотрят с испугом. Все грязные, хуже беспризорников. Неужели их жизнь мрачная на длани неподдельного ужаса? Война или нет, сделала всех такими?!

Дали им шоколадки. Взяли худенькими ручонками... У мальчугана с чёрным взором неприветливой бездны в голове копошились черви... Он глядел, как затравленный зверёк. Описать невозможно! Что-то трагическое и нечеловеческое мелькало в этом загорелом лице... Какая-то злобная страсть вывалилась из недр молчаливого мрака на отчаянии и позоре. Подбежала испуганная мать, промусолила слова не благодарности, а может и проклятия даже, подхватила сына и...

О, мера Ада!

Почему именно этот, а не другой эпизод замер на потухшем чувстве. Бог знает, но молчит, а человек не ведает, да ищет идею посреди хаоса и сумятицы. И, между прочим, всё это вместе и по отдельности называется странным словом – жизнь! Смешно и горько! Но это так! Смех сквозь вопли и стоны... Не осилить, а осиливаем... Иногда и падаем... Но ведь и поднимаемся и снова идём вперёд. Как отыскать истину? Ищем, мучаемся. А найти не в состоянии.

– Эй, Бог богов! Ответь погибающей душе! Она просит слова!

Ответ внутри тебя, Генка!

Услышь, услышь его не потом, а в этот важный миг!

Услышь же!

Слово разных дум – это и есть ответ Бога. Только понять и утвердиться в нём, в этом слове-то – не всякому дано, а труженику молитвы. Молитва предоставляет любые блага и любые достоинства для каждого человека, без различий и сословий. Она – знамя воина, человека, который зовётся христианином.

И ты, ты воин Христа! Ты крещён именем святым! И, следовательно, достоин доли на Всеобщее равенство, когда на проекте Бессмертия ты восстанешь посреди Героев Христа, Который воплотился в Богочеловека и пришёл на землю, чтобы взять на Себя все тяготы твоего страдания.

Его Язвы – это наша немощ! Верь, верь, Генка, ты, как и все, обретёшь собственное имя на правах, основанных личными скорбями воина, победителя, а не проигравшего в этой Великой Битве Веков! Но не сразу, не сразу этот титул возляжет на твоё чело, прежде шагнёшь в ад и обლობызаешь его нестройные углы, чтобы снять с себя титул варвара и печать узаконенного зла, которое осквернило твой ум усилием не твоей воли, а бездной. Именно она, бездна бездн, и породила грехи на всякие тленно-земные своеволия! Но знания обретаются незаметно на болезнях, страдании и страстях, к сожалению.

– Что, что там?

Он мечется внутри себя, пытаясь вырваться из оков одолевающей чертовщины, да крепко сдавила и отравила свободу. Всё-таки бессмертное зерно, посеянное в нём, не позволяет совершенно оторваться от истины. Она его жжёт, утомляет.

Генка не имеет веры в достойную и благую справедливость, в своё везение, в удачу, в счастье, но Что-то не даёт ему окончательно забыться и отойти ото всего. Он мучается, страдает... Пресвятая Богородица, Иисус всплывают отчётливо в памяти.

– Встречу ли?

Кто знает, может и встретишь! Жил, жил человек и вот наступает какой-то окончательный перелом. Оглядываешься, а видишь – и нет ничего мудрого, полезного. Вся разруха земного соизволения была бессмысленной и бесполезной!

–Всё зря! Всё в пустое ушло! Всё... – Воскликнул он, обращая затуманенный взор в чёрное небо. – Что видел?! Тьма, она и колыхалась вокруг, обливаясь страхами омертвелой души... Она и теперь ещё чётче колышется при уме...

Ну, да, тьма и колыхалась, разжигая хаос и брань, но и свет, свет тоже разливался тихонько, обмывая волю возрастающих страхов. А ум-то ещё при чужой надобности находится. Своё не пришло... Пока не пришло, но придёт, обязательно придёт.

Как жаль... Живёшь, стремишься к чему-то, ищешь, теряешь, а вот наступает конец и не видишь смысла. Не видишь назначения своим представлениям о мире, о бытии. И даже любовь стирается гранями заката. Неужто и она тоже на ином повороте рождается не так?

–Всё сначала бы! Заново свою жизнь измерить, заново открыть дверь... Не так, не так сложилось... Не так и объявилось, как желалось... Не так, не так. Почему, почему житуха смяла волю нервов?! – Эта утомлённая и заплаканная мысль тревожит и весьма настойчиво, кровоточит рана, а поменять возможность уже нельзя, к сожалению. Одного желания тут мало! Надо ещё что-то... Но что?

– Ген...

– А?

Отец сел рядом.

– Чё не спишь?

– Не спится...

- О чём думаешь?
- Ни о чём...
- Покурим?
- Давай...

Закурили. Дым взвился кольцами предостерегающе. И не полетел в заоблачную даль вековую, а остался при них, точно и он так же ощущал перемены смертного приговора, что навис убожеством над мужиком, которому всего 37 лет!

– Устал?

– Нет... – А сам устал, устал от жизни, от того, что было, что есть! Но разве скажешь об этом?! Не поймёт, не поможет! А лишь опять вывернет словечко, которое обожжёт душу. Только сейчас и такое словечко не нужно, оно его обмажет новым приступом новой боли и ужаса.

– Ложись спать, пойдёшь, отдохни... – Снова посоветовал отец. Да, он переживал по-своему, но мужское плечо опущено книзу, его не коснуться образом заветного и желанного пробуждения. И оттого плечо отцовское не подаёт надежду.

«Постарел батя, – мелькнуло в голове, – время, оно безжалостно ко всем... Будет ли тосковать по мне?... Или не ощутит горечи и потери? Надоел я ему... И матери тоже... Всем в тягость... Так и мне всё в тягость несусветную, ох, в тягость... Освобожу я вас скоро ото всего...» – А ведь это и есть итог раскаяния, а оно не запоздало.

– Какие мысли у тебя в голове?

– Так...

А разве изречёшь ему своё? А может, открылся бы, и легче стало? Порою, чтобы уравнять право ненадуманной свободы, достаточно доверить своё состояние боли какому-нибудь лицу. А ныне вот отец был поставлен на меру сию.

«Нет, отец не поймёт, – снова пробежала фраза, – не поймёт меня... И никто уже не поможет... Поздно что-либо делать, ничего не вернуть на прежний уровень... Всё минуло и свалилось куда-то вон за ту черту... Эй, ветер, пронеси чашу сию... Нет, не пронесёшь... Тогда прими меня в объятия свои...»

– Картошка в этом году хорошая, – сказал отец.

Генка не слушал его, он был весьма далёк от земного случая. Какая картошка! ему умирать, умирать сегодня! Ни картошка, ни лунный отблеск, ни седая проседь облаков, ни звёздная пыль в вышине, ничего, ничего не мило!

Мать накинула тёплый платок, выглянула в окно с кухни, потом крикнула погромче, чтоб услышали её. – Скоро ли спать ляжете? Никак не наговорятся. Ишь, отец и сын... Говорят, говорят... Давайте уж на боковую... Время-то позднее...

Знала бы ты, мать, *какую* непростую думу твой сын вынашивает в эту минуту?! Потом и завоюешь от ужаса, да только ужас так сожмёт тискаами, что ум оближется болью сыновней, а не отмыться от ней во веки вечные. Пожалуй, веки вечные иначе предстанут.

– Иду, – отозвался дед. – Ты идёшь, али как?

– Попозже...

– Ну, давай, побудь чуток один...

– Угу...

Луна спряталась в облаке, она чувствовала, что в эту ночь рождается беда, неминуемая, но беда одного человека, готового вступить в вечность, совершенно не зная её намерения. Луна пыталась повлиять на душу мужика, но он не принимал позывные. Не мог принять.

Звёзды также посылали свои искры раздумий, но и их образы потеряли свою мудрую ценность, хотя растворялся плач золотых огней на его душе, да только Генка больше не укреплял себя волею творческих намерений. В нём бурлила безудержная страсть воскресшего греха, утомляющего сознание и влекущая куда-то вперёд. А что там впереди? Свет или тьма?

– Ты скоро? – Отец обернулся напоследок. Удержи в себе это прощание, постой ещё и ещё... Больше не будет такой дорогой минутки! Она нынче последняя и заветная. Не приостановить её ход... Эй! Никого... Уже никого нет рядом.

– Скоро...

– Не засиживайся, завтра рано вставать...

И мать сказала опять своим зычным голосом:

– Холодно уже... Давай иди в кровать... Завтра новый день...

О! что будет завтра?! Никто не прозревал! И Генка не ведал! И не мог даже предположить себе, *чем* обернётся утро и для него, и для его родителей. И думать об этом не хотел, но думы калечили и весьма изламывали. Даже показалось...

– Кто тут?

Тихий шорох осыпающейся в огороде листвы сумел-таки поджарить мысль явившуюся вдруг как-то болезненно из ниоткуда. Тень ада приползла страхом возмездия и была отвратительной, чужой, зловещей. И дыхла страсть в лицо...

– Больше не увижу рассвет...

– *Увидишь!* – Шепнули в ухо.

– Кто тут?

Никого нет.

Но кто-то всё-таки есть.

Эх! Воля райских сил! Зачем, зачем тревожишь покой человека, человека, стремящегося к любви, а утопающего в гнилом помрачении бездуховности? Жизнь! жизнь! как горек твой разлив и отвратителен образ немудрого убожества, который надо мерить не единым годом... А сколько, сколько лет понадобится? Увы, нет ответа.

Минута.

Секунда.

В песне поётся: *«Ни в Бога, ни в чёрта не верит матрос. А верит в простой талисман...»* Генка не верит даже в идею предложенной свободы. А где она вьётся? Куда вливается? И где её раздолье? Ничего нет и не было. И не факт, что будет!

Родился... И мало видел радостей, только озверелые дни обезличенных чувств! Это жизнью не назовёшь! Война измяла остатки светлых восторгов! Да и сами восторги опечатаны болезненными ступенями житейских бурь и невзгод.

Но где родиться и с кем отмерять сутки достойных лет – это зависит не от человеческого желания, а от Того, Кто однажды и развил образы людские. А зачем развил-то?! Угадай... Не угадывается... Разве Его осудишь на резерве человеческого? Разве бросишь Ему вопль угнетённого сердца. – *Зачем, зачем Ты дал мне нелюбимое?!*

Нет. Ему ни о чём не крикнешь и не потребуешь у Него себе доли всеобщего равенства! А если и крикнешь, то Он не ответит и не потому, что презирает или ненавидит, а потому, что Он вне всего – и любви, и ненависти и прочего.

Но почему тогда даёт Своё начало разными событиями? Человек! ты рождён не для этой, тленной и временной жизни! В тебе сокрыта тайная необъятность, которая позволяет тебе слиться с ней на теле, испивая при этом неестественные нужды, и, казалось бы, совершенно бессмысленные наплывы дел.

Не огорчайся, не смущайся, не горюй, что прожил зря и как-то не так, как хотелось бы время земное и засвидетельствованное Им, хотя осознать не просто, а порою и невозможно. Будет! будет обязательно лучшая доля по тебе, человек!

– Но сегодня я хотел жить лучше! – Вскричал утомлённо Генка, обращая затуманенный взор в эти безмолвные небеса, где ещё теплился огонёк надежды. Или уже не теплился? Погас окончательно? – Сегодня я жаждал получить райское везение! сегодня, а не потом, неизвестно когда!

Понятно. А как не понять?! Если подарили жизнь, тело, волю чувств, то именно сейчас хочется со всем этим богатством найти своё счастье и найти не посреди океана ангельских предместий, а с такими же, как ты сам и здесь, на земле. Ведь *там* такого уже нет! Там всё иначе!

– Я хотел жить!

А приходится умирать.

– Я хотел любить!

А пришла ненависть. И потопила...

– Хотел быть любимым!

А остался один. Никого рядом не оказалось...

– Я хотел радоваться!

А радость смылась болью. И осталась прогорклость...

– Я хотел здоровья!

А болезнь изломала плоть. Дышать нечем, наполняться тоже...

– Я хотел друзей!

А их убили... Убили всех... Никого не оставили... Никого! А он остался продлить житейский итог. Продлил. И вот это продление теперь обрывает последнюю связь... Встретится ли там с ними? Сумеет ли найти убитых и похороненных?

– Я хотел...хотел...хотел...

А всё не то, всё как-то пресно, холодно, мертво и бездарно. И хотение вдруг становится чужим, далёким, непризнанным, смысл теряется прямо вот тут на крыльце, откуда он пойдёт во двор... И там во дворе завершится мысль, движение, всё! Встал... Пошёл домой... Лёг...

Минута. Секунда.

Тик-так... Тик-так... Тик-так...

Часы не стоят на месте, их мера течёт, независимо нашего желания. Они лишь приближают смерть. Эй, смертишка! Запоздай сегодня! не спеши! Но нет, нет ей печали! Шагает уверенно, шагает и берёт своё с ненасытностью. Её право неизменно, а её жало – надёжно и мучительно.

– Ничего там нет... – Генка мучается в себе, а мысли лавируют, как в атаке. Кровь бьётся о берега не остаревшей плоти, бьётся грустью. Мрак неведения сгущает болезненные всплески. – О, Господи! – Невольный крик ломает суставы.

И попытайся учуять свою благодать! Она ведь рядышком, она в тебе изначала... Не слышит. И Господь молчит и слушает мытарства одинокой души, души, загнанной в тупик. Позови чёрта и он тут, как тут! А позови Бога, не отзовется!

В чём идея? В чём разница? Чёрт прискочит мгновенно, чтобы погубить. А Бог молчит, хотя от Него ждут спасения. Почему нечистая воля распространяется иначе, нежели святое торжество? Ответ, дай своё определение! Дай скорее, пока не свершился приговор... Не даёт.

Генка больше не ищет правды, не ищет смысла, он уходит с крыльца, уходит в свою страсть один или всё-таки с чёртом? И с ним, и с Богом, но только он ничего этого не знает. Всё это – вне него, что-то внутри, а что-то и позади, а впереди она – тайна смерти. Умирать всегда страшно. Пугает не сама смерть, а неизвестность.

– А вдруг, вдруг и там не конец? – Мысли всё-таки бегут на восток. Только вот прикоснуться им не к чему и зацепиться не за что. Веры нет и знаний нет. Жил на проекте безверия, но такова сущность правления, в котором довелось озвучивать образ идей. Генка смотрит на часы... Их тиканье нервно бьёт по воспалённым мозгам.

Минута... Секунда...

Ревёт боль, рвётся наружу, да никак не вырвется, лишь подневольным сомнением изламывает сознание... Накрылся одеялом. В окно влетает не бодрящий ветерок. Теперь он уже не в силах смыть рутину безобразия, хотя и старается потопить подневольное мычание злого рока.

Генка, грустишь?

– Ой, ли, ветер?! Ты ли это?

Я... И я стираю пыль с твоего чела...

Кажется ему, что сегодня все и всё как-то по-особенному обращаются к нему, вроде даже с сожалением, заботою и любовью. Или они тоже, тоже предчувствуют его смертишку? Да! Да! и они тоже, тоже предчувствуют! Души сопричастны любому слову, коими ликует, торжествует сотворённое благо!

Благо во всём себя разливает – и в жизни, и в смерти! А истоки познавательных форм сходят на двух началах – на тлении и бессмертии! Сейчас трудно определить факт такого блага, но трудно человеку бездуховному и маловерующему.

– Чё не спишь-то?! – Ворчит мать.

Генка не отвечает, не отзывается никак. У него душа не на месте, мается, болезнует. Ему нет покоя, тошно. Не знает, как себя вывести за рамки добра. Поискал добро, не нашёл. Молчит и думает. Думает и молчит. Прикинулся спящим.

– Поздно уже... – Мать не проведёшь.

– Сколько?

– Двенадцать...

– Давай спи. Завтра надо докопать картошку...

– Угу...

Глаза закрыты, но даже и на таком положении он излишне взволнован и обеспокоен. Ни о чём не может думать, кроме одного... И это одно так скверно истязает... Мысли вертятся, не остановить. Приходит человек в мир, приходит зачем-то и строит своё маленькое счастье, которое и счастьем-то назвать трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.